

ВАДИМ ПАНОВ

МОСКОВСКИЙ
КЛУБ

АНКЛАВЫ

Вадим Юрьевич Панов

Московский клуб

Серия «Анклавы», книга 1

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125190

Московский клуб: Эксмо; 2006

ISBN 5-699-17867-8

Аннотация

Казалось бы, они предусмотрели все и победа – неминуема. За ними стояла вся мощь Поднебесной, на их стороне выступал владелец крупнейшей корпорации, на них работал лучший ломщик на свете. Казалось, что гениальное открытие московских ученых, способное изменить измученный энергетическим голодом мир, – уже у них в кармане. Но полковник Тао и его друзья не учли некоторых мелочей. Например, того, что глава всемогущей Службы Безопасности Анклава Москва Макс Кауфман по прозвищу Мертвый, слывающий человеком жестким, но недалеким, оправдывает свою репутацию лишь наполовину...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	19
Глава 2	103
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Вадим Панов

Московский клуб

«Выражая единодушное мнение всех членов ООН, Генеральный секретарь подвел черту под трехлетними дебатами и подписал Резолюцию о статусе Анклавов. Таким образом, крупнейшие мировые корпорации окончательно вышли из-под контроля государств. В своей речи Генеральный секретарь подчеркнул, что глобализация достигла качественно нового уровня: „Создание Анклавов позволит бизнесу и науке еще полнее служить интересам всего человечества...“»

Лента новостей «NY Post»

«Единодушное мнение» – бред!»

«А ты хотел, чтобы они написали правду? Что руководители концернов предъявили ультиматум, угрожая обрушить мировую экономику? Денежные мешки боятся продолжения Нефтяных войн и пытаются спрятаться. Радуйтесь, что они согласились делиться разработками...»

«Делиться? С каких это пор наука принадлежит корпорациям?»

«С тех самых. К нам в Эдинбург перебралась почти вся оксфордская профессура. После Больших Албанских Перестрелок желающих жить на юге почти не осталось, беспокойно там сейчас. Для старых европейцев Анклавы – спасение...»

«Могли бы в Америку...»

«Кто же разрешит? У властей разговор короткий: или Эдинбург, или оставайся на месте. Так что шотландский Анклав, можно сказать, состоялся...»

«Китайцы заявили, что согласны предоставить статус Анклавов трем крупнейшим городам островных провинций, но только в том случае, если император отречется от престола...»

Форум машинистов (выдержки)

«Государственные институты не имеют права владеть независимыми корпорациями ни в какой форме и ни в какой доле. Акции и обязательства независимых корпораций разрешены к продаже исключительно частным лицам и компаниям, зарегистрированным в Анклавах. СБА¹ имеет право требовать подтверждения источников финансирования у желающих приобрести акции независимых корпораций. СБА имеет право отменять состоявшиеся сделки...»

«В Анклавах действуют законы, установленные настоящим Положением, а также внутренние правила, выработанные корпорациями совместно с СБА...»

Положение об Анклавах (выдержки)

¹ СБА – Служба Безопасности Анклавов.

* * *

Политики не верили в жизнеспособность Анклавов. Кажалось, лишенные выгоднейших государственных заказов, корпорации не продержатся, признают свое поражение, откажутся от политической свободы. Частично эти прогнозы сбылись: примерно треть объявивших о независимости корпораций обанкротилась, и все они в строгом соответствии с Положением были проданы по частям. Зато остальные, преодолевшие годы становления, сумели изменить мир.

А государственные заказы к ним вернулись...

Пролог

За два месяца до описываемых событий

Анклав: Сингапур

Территория: Центральный бизнес-округ

Pan Pacific Hotel

От некоторых предложений не отказываются

«Слухи о феноменальном открытии инженеров „МосТех“ сделали свое дело – ее акции уже неделю демонстрируют невиданный рост. Биржевые игроки не ждут официальных подтверждений и скупают...»

Чайка отключил идущую в «балалайку»² передачу, закурил и медленно продолжил свой путь вверх по улице.

«The Financial Info» носила титул самой серьезной в сети ленты деловых новостей, и, если ее аналитики использовали определение «невиданный», значит, на мировых торговых площадках действительно ажиотаж. Хорошо спланированный ажиотаж. «Игроки не ждут официальных подтверждений?» Раскрывать козыри не в правилах корпораций, и, если речь действительно идет о «феноменальном» открытии,

² Значения выделенных курсивом понятий см. в словаре.

информацию о нем можно ждать и месяц, и год. Но как раз неделю назад просочились слухи, что сеть «МосТех» успешно атаковали. Чайка, считавшийся одним из лучших *ломщиков* в мире, был уверен, что эти слухи – ложь. Но биржевые акулы не понимали, что сеть такого монстра, как «МосТех», способны продолбить всего одиннадцать человек на планете, и повелись на отлично разработанную дезинформацию. И теперь кто-то радостно потирает руки, подсчитывая прибыль, а кому-то, судя по всему, придется заняться проверкой...

– Прошу вас, сэръ! – Напыщенный швейцар предупредительно распахнул зеркальную дверь и склонился в вежливом поклоне.

Анклав Сингапур находился в Восточной языковой зоне, здесь говорили на китайском, но Чайка не зря разорился на качественную программу-переводчик для «балалайки»: фразу швейцара ломщик понял всего с двухсекундной задержкой. Впрочем, чего тут было непонятного? Во всех уголках планеты швейцары говорят одно и то же, вот только немного их осталось, швейцаров, – обычно посетителей встречали фотоэлементы, но «Pan Pacific» специализировался на солидной публике и в пафосности мог дать сто очков вперед даже знаменитому московскому «Дяде Степе».

Чайка небрежно бросил окурок в роскошную – стекло с голографической картиной, бронза, позолота – урну и направился к лифтам. Швейцар раскланивался со следующим

клиентом, портье улыбался так, словно встретил давно потерянного друга, лифтеры застыли возле кабин, готовые доставить вас на любой этаж, а если прикажете – внести в номер на руках.

«Не в этот раз, – усмехнулся ломщик, стоя в лифте. – В комнату, в которую я направляюсь, вам, ребята, хода нет».

Чайке не приходилось бывать в «Pan Pacific», но он знал, что его ждет. Самый дорогой номер в самом дорогом отеле самого дорогого района Анклава Сингапур. Девятая степень защиты от прослушивания. Стационарные наноскопы в каждом помещении. Дополнительное изоляционное покрытие на стенах и окнах, мощные глушители, подавляющие любой сигнал. В одном из соседних номеров – операторский пункт, не менее шести сотрудников внимательнейшим образом следят за конфиденциальностью переговоров; другой занимают охранники. Телохранителей, как успел заметить ломщик, хватало. По пути из холла отеля на нужный этаж Чайка вычислил не меньше двух десятков бойцов, переодетых официантами, лифтерами, портье... Наверху же они и вовсе не стеснялись: три человека в штатском у лифтов, трое у дверей номера, еще четверо рассредоточились по коридору. Наверняка перекрыты все лестницы и соседние этажи. Чайка знал, что «Pan Pacific» принадлежит местной Триаде, ребята из Народной республики вообще чувствовали себя в Сингапуре очень уверенно, но чем вызваны дополнительные меры безопасности?

«Я такая важная шишка?»»

Чайка едва заметно улыбнулся. Хотелось бы верить, что все заварилось ради тебя, но, увы. Видимо, все дело в том, кто прибыл на встречу. Тао предупреждал, что появится не один.

Ломщик не спеша прошел мимо охранников. Спокойные, чуть отстраненные лица, слегка расслабленные позы. Достаточно одного неправильного жеста, чтобы они начали стрелять. И разместились грамотно: любая цель попадет под перекрестный огонь.

«Какой-то Большой Босс решил посмотреть на пойманную Тао Золотую рыбку? Лестно, очень лестно. Значит, меня ждет очень непростая задача...»

– Пожалуйста, разведите руки в стороны.

Чайке не пришлось представляться, его знали. Сканер ощупал тело, а следом прошлись ловкие быстрые руки – некоторым сотрудникам служб безопасности оперировали нервные окончания на пальцах, и обмануть таких досмотрщиков было сложнее, чем стационарный наноскоп.

– Вашу «балалайку», пожалуйста.

Ломщик молча вытащил из головы треугольный чип и протянул его охраннику, машинально отметив, как забавно прозвучало в устах китайца русское слово, обозначающее придуманное в Америке устройство.

– Проходите.

Полковник Тао действительно был не один. Второй кита-

ец, облаченный в дорогой костюм старичок с белоснежными волосами и непроницаемым лицом, утонул в стоящем в углу глубоком кресле.

– Господин Ляо, – коротко представил старика полковник и почтительно поклонился в сторону кресла. – Господин Ляо выразил желание познакомиться с вами.

– Похоже, это большая честь, – вздохнул Чайка.

– Вы угадали, – сдержанно кивнул Тао и подошел к бару: – Как обычно, джин-тоник?

– Да.

Чайка продолжал мяться в двух шагах от двери.

– Присаживайтесь вон на тот диванчик, – ПРИКАЗАЛ полковник тоном радушного хозяина.

Ломщик подчинился. Местечко ему подобрали умело, загадочный старик видел Чайку как на ладони, оставаясь вне поля зрения ломщика.

– Ваш джин.

– Благодарю.

Тао, сама обходительность, Ляо, сама невозмутимость, и он посередине. Между молотом и наковальней. Господин Ляо, полковник Тао, ломщик Чайка... Чайка вдруг поймал себя на мысли, что по его нику даже пол определить нельзя: нет в сети такого понятия – «ломщица». Ломщик Чайка – и все. А уж кто стоит за ником, узнать крайне сложно. И китайцы под стать: Ляо, Тао. Простые, незамысловатые имена. Вымышленные? Скорее всего. Разве уважающий се-

бы разведчик раскроет подлинное имя какому-то там агенту? Да и разведчиком из присутствующих в комнате был только Тао. Старик, Чайка понял это по беспрецедентным мерам безопасности, был птицей куда более высокого полета. Вполне возможно, — из высшего политического руководства Поднебесной. И уж ему-то откровенничать с ломщиком не было никакого резона.

«Что же вы приготовили?»

— Мне поручено передать, что операция, проведенная вами в Анклаве Кейптаун, произвела самое благоприятное впечатление. Мы очень довольны нашим сотрудничеством, Чайка. Мы высоко ценим нашу дружбу.

«Дружбу?! Желтый подонок!»

— С тех пор как началось наше партнерство, я чувствую себя гораздо... увереннее, — осторожно и предельно серьезно ответил Чайка. «Эти гады читают людей не хуже наноскопов!»

— Мне понравилось, как точно вы описали преимущества нашего сотрудничества, — улыбнулся Тао. — Уверенность в себе, в своем будущем большая редкость в наши дни. Дать ее могут только надежные друзья. Не так ли?

— Так.

— Я рад, что мы понимаем друг друга. И рад, что вы так быстро откликнулись на просьбу о встрече.

«А кто бы не откликнулся? Кто бы не откликнулся в моем-то положении?»

Приторная восточная вежливость начинала действовать на нервы, но ломщик держался, ни интонацией, ни жестом не демонстрируя накатившее раздражение.

Кто бы не откликнулся?

От тигра можно бегать, но, когда он на твоей спине, надо договариваться. К счастью, некоторые тигры умеют говорить. Девять лет Чайка оставлял в дураках лучшие службы безопасности мира. СБА и ФБР, Европол и русские, омарцы и индусы – никто не мог его взять. Девять лет свободы... Но китайцы оказались упорными. Они шли по следу легендарного ломщика семь лет, с тех пор, как в ходе молниеносного рейда в Анклав Токио Чайка сломал сеть корпорации «NDC» и вытащил на поверхность ее связь с государственными структурами Поднебесной. «NDC» потеряла статус транснациональной, была продана по частям, а китайцам пришлось долго извиняться перед мировым сообществом. Скандал закончился, но в Народной республике не забыли о наглom ломщике, сумевшем пробить хваленую защиту одного из крупнейших Анклавов. Взять Чайку стало для китайцев делом чести, и десять месяцев назад полковник Тао смыл позорное пятно с мундира военной разведки: лично арестовал ломщика в Эль-Париже и тайно переправил в Пекин. Двух недель в тюрьме хватило, чтобы Чайка принял вежливое предложение о сотрудничестве.

– Тяжело пришлось в Кейптауне? – сухо спросил старик.

Ломщик пожал плечами:

– В Южной Африке хороший филиал СБА... но я лучше. – Помолчал. – К тому же на этот раз меня прикрывали люди полковника Тао.

– Надеюсь, вы не растеряли прежних навыков и сможете провести операцию в автономном режиме?

– Разумеется, – кивнул Чайка. – Но...

– Мы обеспечим вас всем необходимым: деньги и оборудование. Все, что угодно.

Указательный палец на правой руке Чайки едва заметно дернулся: худшие предположения подтвердились, теперь он точно знал, в каком Анклаве предстоит работать.

– Вы слышали об этой истории? – поинтересовался Тао, протягивая Чайке маленькую, на одну страничку, распечатку ленты деловых новостей.

«Руководство корпорации отказывается комментировать происходящее, ссылаясь на Положение о научной тайне, однако разговоры об удачной атаке ломщиков не умолкают. Биржи переполнены слухами о революционной разработке инженеров „МосТех“, акции корпорации уверенно поднимаются в цене, и в то же самое время официально объявлено о закрытии полигона „МосТех“ в Воронеже и действовавшей при нем лаборатории энергетических проблем. СБА вынуждена признать, что этот шаг связан с провалом в защите...»

– Дезинформация, – уверенно произнес Чайка, мельком просмотрев текст. – Внутреннюю сеть Анклава Москва не

ломала.

– Этого и не требовалось, – кивнул полковник. – Был куплен человек из Воронежской лаборатории «МосТех», который помог сломать сеть полигона. К сожалению, СБА сумела прервать операцию и не позволила скачать основной массив данных. – Тао выдержал паузу. – Однако даже несколько обрывочных файлов показали, что «МосТех» стоит на пороге грандиозного открытия. Или шагнул за этот порог.

– И вы хотите заполучить разработки, – угрюмо закончил Чайка. – Насколько я понимаю, сейчас вся информация спрятана во внутренней сети Анклава?

– Да.

– Мы обратились к вам потому, – проскрипел Ляо, – что во всем мире есть только десять человек, способных совершить подобный подвиг.

– Одиннадцать, – машинально поправил старика Чайка.

– Десять, – бесстрастно продолжил Ляо. – Арлекин руководил группой, ломавшей Воронежский полигон. Его застрелили в аэропорту Санкт-Петербурга, убийце удалось скрыться.

«Арлекин работал на китайцев?!» На встречах с Тао Чайка старался быть сдержанным и спокойным, но эта новость выбила его из колеи. Ломщик рывком обернулся и в упор посмотрел на старика. И уперся в жесткий взгляд черных глаз.

– Арлекин работал на вас?

– В молодости людям свойственно совершать непроду-

манные поступки, однако с возрастом приходит понимание, что только сильные друзья являются залогом спокойствия и уверенности. Встретившись с нами, Арлекин, как и вы, сделал правильный выбор.

– И погиб.

– Арлекин мог погибнуть в любой из операций, – ответил Тао. – Такова его профессия.

– И моя тоже, – ровным голосом произнес ломщик. Он взял себя в руки и вернулся к прежней, спокойной позе. – Риск – наш неизменный спутник.

– Очень хорошо, что вы это понимаете.

Теперь ясно, почему Тао удалась операция в Эль-Париже. Арлекин знал о том логове *машинистов*, в котором прятался Чайка, и навел на него китайцев. «Мы ведь уважали друг друга, уважали... – с горечью подумал ломщик. – Ладно, о покойниках или хорошее, или ничего. Ты умер, Арлекин. Хорошо».

– Вы кажетесь озабоченным, – заметил старик. – Я знаю, ломщики не любят работать против Анклава Москва.

– Мертвый слишком хорош, – неохотно протянул Чайка. – И слишком жесток. Судьба Арлекина в этом отношении показательна: вы нашли меня и предложили договориться, а Мертвый будет искать, чтобы убить. Есть разница.

– У вас будет самое полное прикрытие, какое можно обеспечить неофициально, – твердо произнес Тао. – Мы крайне заинтересованы в успешном исходе операции.

– И в отличие от предыдущей работы, которую вы провели, чтобы доказать истинность своих намерений в отношении нашего партнерства, за эту операцию вы получите обычный гонорар, – добавил Ляо.

Да, в Кейптауне пришлось пахать бесплатно, «доказывать истинность намерений»! Хорошо еще, что китайцы не добрались до всех фондов, разбросанных по миру на «черный» день. Тао выдавил из Чайки большую часть сбережений, но проводить глубокое зондирование памяти не стал – побоялся превратиться в идиота, а потому кое-какие средства удалось сохранить.

– Деньги – это хорошо, – буркнул ломщик. – Но...

– Мертвый – это проблема, – не стал скрывать полковник. – Но работать против него можно. Алабама Ги ломал внутреннюю сеть Москвы и сумел уйти.

– Алабаме заплатили столько, что он навсегда ушел из бизнеса. Не думаю, что вы готовы оборвать наше сотрудничество на самом интересном месте.

– Пару лет вы сможете отсиживаться в Поднебесной, там Анклавы вас не достанут. Потом, когда страсти улягутся, вы сделаете пластическую операцию, получите новое имя и вернетесь к любимому занятию. Вы ведь ломщик, Чайка, великий ломщик, вы не сможете уйти из бизнеса, как это сделал Алабама.

– К тому же это возможность вернуть старый долг, – обронил Ляо.

Чайка закусил губу.

– Если я не ошибаюсь, именно Мертвый убил Каскада?

– Мертвый, – едва слышно подтвердил ломщик.

– Каскад был вашим близким другом, – с нажимом на слове «близкий» произнес Тао.

– Был, – кивнул Чайка. – Другом и учителем.

– Вам ведь не понравилось, как с ним поступили.

Глаза ломщика вспыхнули. Чайка не знал, почему Мертвый воспринял ту атаку как личное оскорбление, и по сети долго гуляла видеозапись последних часов Каскада. Страшная запись.

– Мне не понравилось, – сквозь зубы процедил Чайка.

– Вот видите, – улыбнулся полковник. – Вы подтвердите свой титул великого ломщика, отомстите старому врагу и получите внушительный гонорар.

Чайка понимал, что ему могли просто приказать заняться этой операцией, но Тао и Ляо хотели, чтобы исполнитель работал с душой, с горящими глазами, а потому не пожалели времени и сил на долгий разговор. «Выходит, Арлекин нашел в Воронеже нечто действительно ценное...»

– Какую информацию я должен вытащить из «МосТех»?

Глава 1

Анклав: Москва

Территория: Болото

Клуб «99,99», немного за полночь

Большое начинается с малого

– Задача у нас несложная, но интересная, – произнес Грегуар Слоновски, не отрывая взгляд от ярких витрин, медленно проплывающих за окнами джипа. – Вводная: сегодня вечером Лаура Бельмах застала своего благоверного кувыркающимся с двумя красотками из «Мозаики». Лаура, как вы понимаете, расстроилась: раскокала антикварный сервис, закатила истерику и умчалась из дома в неизвестном направлении. Старый перец Бельмах решил, что супруга рванула жаловаться маме, прогнал красоток, погрузил над сервисом, а через пару часов собрался с духом и позвонил любимой на предмет покаяться.

С заднего сиденья долетел сдержанный смешок. Расположившись там *безам*, двум здоровякам, с трудом втиснувшимся даже в огромный салон джипа, нравилась ирония, с которой Грег вел повествование. Слоновски выдержал паузу, позволив подчиненным посмеяться, небрежно выбросил в окно докуренную до фильтра сигарету и продолжил:

– «Балалайка» Лауры не отвечала. – Грег перешел на де-

ловой тон, и две скалы слегка наклонились к переднему сиденью: безы боялись пропустить хоть слово. – Бельмах перепугался, засуетился, подключил СБА, и через полчаса наши информаторы сообщили, что пьяную вдрызг метелку видели в «Девятках».

– Помчалась на Болото искать приключений. – Сидящий за рулем Марат добавил пару крепких словечек и подытожил: – Хреново.

Клуб «99,99» считался вполне приличным для этой территории Анклава заведением, то есть его владельцы следили за тем, чтобы клиентов не грабили в туалетах и номерах. Но зона ответственности вышибал заканчивалась на тротуаре, освещенном вывеской «Девятки», и уже в ближайшей подворотне нетрезвую красавицу поджидало множество сюрпризов. В лучшем случае дамочка проснется в канаве без трусиков и наличных, в худшем – окажется проданной *конструкторам*, органы у *верхолазов* – одно загляденье, и подпольные биотехнологи с удовольствием отдадут двадцать-тридцать тысяч юаней за возможность разобрать на запчасти лакомый кусочек плоти. Печально, но в современном мире человек в сборе стоит дешевле, чем составляющие его компоненты в розницу. Все это Марат выразил парой слов и итоговым «хреново».

– Бельмах в истерике, – продолжил Грег. – Он позвонил Мертвому, и шеф велел достать Лауру хоть из-под земли. Разумеется, живой и здоровой. Все понятно?

– Понятно, – вздохнул Марат.

Безы промолчали.

Бельмах командовал средних размеров департаментом в Управлении финансов «Науком», раз в полгода ловил форель с президентом корпорации и заседал на собраниях акционеров. И никого не удивило, что на поиски его непутевой женушки были отправлены не обычные безы, а Слоновски – один из лучших оперативников Мертвого.

– Я не собираюсь всю ночь гоняться за этой потаскухой, – закончил инструктаж Грег. – У меня был трудный день, и я хочу спать. Поэтому делаем все быстро, аккуратно, с вежливой наглостью. Вы двое... – Слоновски обернулся и посмотрел на здоровяков. – Вы двое запомните: пулять только по моей команде. Займетесь самодеятельностью – распилю и съем. Я еще не ужинал.

– Будь спок, – коротко отозвался правый бугай. – Не впервой.

Его напарник молча кивнул.

В принципе, Грег доверял самолично отобраннным безам, тем более что никаких других задач, кроме силового прикрытия, перед ними не ставилось. Но Слоновски любил порядок, и его подчиненные всегда знали свои роли наизусть.

– Повторить!

– Пуляем только по команде. Если ты молчишь, мы дремлем.

– Молодцы.

– А я? – поинтересовался водитель.

– Ты в машине. В случае чего прикрываешь весь коллектив.

– Понятно.

Марат работал вместе с Грегом и знал куда больше, чем плечистые безы. Не все, конечно, но о том, что Лаура давным-давно работает на Мертвого и совсем не случайно закатила муженьку скандал именно сегодня, Марат знал. Все остальное предназначалось только для ушей Слоновски.

«Максимально естественное поведение, ни у кого не должно возникнуть сомнений в том, что все произошло случайно». Макс Кауфман посмотрел на оперативника. Посмотрел так, как умел только он: серьезно и доброжелательно, но от этого взгляда по широкой спине Грега побежали мурашки. А ведь сколько лет рядом, мог бы и привыкнуть. Не привык. И никогда не привыкнет. Слоновски не знал, кто дал Кауфману кличку Мертвый, скорее всего, Макс уже вычеркнул шутника из списка живущих, но лучше, конечно, о шефе не скажешь – именно Мертвый. Ни эмоций, ни чувств, ни ненависти, ни жалости. Только дело. Своих не бросает, но спрашивает с них так, что люди выворачиваются наизнанку.

– Приехали.

Марат убрал ногу с акселератора, и теперь джип едва катился по запруженной любителями острых ощущений Покровке. По первому, самому нижнему ее уровню, на котором располагался клуб «99,99». Болото и есть болото. Яр-

кие вывески баров, круглосуточных заведений, предлагающих все возможные удовольствия: и разрешенные, и запрещенные, самые сладкие. Вдоль домов девочки на выданье, дешевые проститутки, обслуживающие в подъезде или ближайшей подворотне, искусственные прелести отражаются в стеклах медленно ползущих *мобилей*. Бампер к бамперу, левый и правый ряды, прижатые к тротуарам односторонней улицы, почти не движутся, водители то и дело останавливаются, выбирая развлечение по вкусу. И только по центральной полосе мобили хоть как-то плетутся. С деловым видом фланируют по тротуарам сутенеры и драгдилеры, неподалеку напрягаются их массивные телохранители. Прямо под фонарем бодряжат дозу потрепанные малолетки, и никого не волнует, каким образом они ухитрились заплатить за наркотик: убили, украли или продали себя. Безы по ночам на Болото забредают редко, а у остальных свои дела: одни тратят деньги, другие их зарабатывают. И люди, люди, люди... Много людей, толпы, потоки. Гомонящие, ругающиеся, смеющиеся, пьяные, под кайфом, еще трезвые... Ночная жизнь Болота куда разнообразнее дневной.

Тем не менее, несмотря на всеобщую занятость, появление джипа не осталось незамеченным. В любом городе мира, в любом Анклаве, твоя машина – твое лицо. Она говорит о тебе лучше, чем самые красивые слова, и лицо у Слоновски было что надо: «ГАЗ-Тайга» усиленной армейской комплектации, производства «Науком», разумеется, да еще и на дви-

гателе внутреннего сгорания – очень круто для мира, едва оправившегося от последствий Большого Нефтяного Голода. Вообще сотрудникам СБА полагался «Ровер Сити VI», классический городской джип на стандартных батареях Ллейтона, но Грег предпочитал машину мощную и надежную. К тому же «Тайга» была единственным автомобилем, в котором Слоновски чувствовал себя комфортно: при росте два ноль два и весе сто десять килограммов к выбору подходящего салона следует подходить особенно тщательно.

– Давай к главному входу и стой там, пока мы не закончим. Парни!

С заднего сиденья долетел негромкий лязг: безы извлекли из чемоданчиков короткоствольные «дрели» со сдвоенными магазинами и одновременно передернули затворы. Грег одобрительно хмыкнул и, не дожидаясь полной остановки джипа, распахнул дверцу и выпрыгнул на тротуар.

– Толстый, жетон видишь?

– Не слепой. – Массивный вышибала мрачно посмотрел на серебряный щит СБА. – Чего надо?

– У нас метелка потерялась. Ищет приключений на Болоте, говорят, к вам заходила.

– Иди, ищи, – буркнул вышибала, кивая на дверь.

– Я? В эту помойку? – Грег скривился. – Давай лучше посмотрим, выходила она или нет. Не возражаешь?

Вокруг собеседников быстро собрались заинтересованные лица: на помощь вышибале подкатил коренастый кре-

пыш Рашид, начальник охраны «Девяток», а за спиной Слоновски выросли безы с автоматами на изготовку. «Дрели» получили свое название из-за завывающего звука во время ведения огня – слишком высокая скорострельность. В городских условиях они считались едва ли не самым опасным оружием, особенно в руках профессионала. Разумеется, у местных не было проблем с арсеналом, но напряженности пока не ощущалось: все знали, что просто так безы стрелять не станут.

– Кого ищете? – поинтересовался Рашид.

– Лауру Бельмах, – коротко ответил Грег. – Верхолазку.

– Была прикинутая метелка, – подумав, сообщил крепыш. – Уехала.

– С кем?

Рашид неопределенно пожал плечами:

– Сам смотри. – И кивнул вышибале. – Подставляй репу.

Ссориться с СБА без веской причины никто не рисковал. И Болото, и Урус, и Шанхайчик, и остальные московские территории жили по своим законам, но все знали, что в случае необходимости безы могут надавить на кого угодно. Охранник послушно повернул бритую голову, Грег загнал в разъем его «балалайки» психопривод сканера и запустил программу поиска изображения. Через десять секунд – Слоновски едва успел раскурить сигарету – сканер закончил сравнивать виденные вышибалой лица с фотографией беглой верхолазки и выдал сообщение. Грег посмотрел на экран

и усмехнулся: Лаура уехала из «99,99» в обнимку с братьями Бобры. Они были завсегдатаями клуба и не могли не обратить внимания на симпатичную и податливую женщину.

– Кантора братьев здесь неподалеку, – проворчал крепыш. – Я свистну, они вам метелку в лучшем виде вернут.

– А вот свистеть не надо, – холодно отрезал Грег. – Мы не знаем, для чего Бобры метелку с собой потащили: может, немножко трахнуть, а может, и денег с верхолаза срубить. Так что ты не свисти никому, береги здоровье.

Рашид поджал губы.

– Братья наш район держат. Если узнают, что я не сообщил, будут неприятности.

Слоновски вернул сканер в карман и, поворачиваясь к джипу, бросил:

– Тогда поехали с нами. Так будет даже лучше.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Шанхайчик

Дом Се Сяньцзи, накрапывает дождь

Разумная предосторожность не является признаком слабости

– Только, пожалуйста, дайте мне уйти, – умоляющим тоном произнес Ван по прозвищу Миска Риса. – Когда вы нач-

нете действовать, я хочу быть как можно дальше.

Олово поморщился. В той или иной форме просьба повторялась уже четвертый раз за вечер, и он немного устал успокаивать шофера.

– У вас будет двадцать минут.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Китаец замолчал, но руки, лежащие на рулевом колесе, дрожали. Собственно, они тряслись с тех самых пор, как Ван ввез странного пассажира в Шанхайчик. Изначально попутчик лежал рядом с задним сиденьем, укрывшись от любопытных глаз, ощупывающих медленно ползущий мобиль Миски Риса, и только теперь, когда они выехали на сравнительно пустынные улицы, пассажир перебрался вперед. Невысокий, ростом не более метра шестидесяти, одетый в темный плащ с накинутым капюшоном, он не казался олицетворением силы и мощи, зато отличался потрясающе мягкими, очень плавными и ловкими движениями – ни один из его жестов не был лишним, каждый был совершенен. Лицо попутчика скрывала наномаска, голос был изменен специальным прибором, имени его Ван не знал, и все это показывало, что человек замыслил какую-то пакость. Картина складывалась неприятная, пугающая, и Миска Риса усердно поминал всех богов, которых мог вспомнить, чтобы они помогли ему побыстрее расстаться с пассажиром. А все проклятый долг барыге с Болота, который надо отдавать...

– Останови.

Боги, наконец, услышали молитвы Вана.

– Вторая часть. – На колени Миски Риса упал набитый купюрами конверт. – Мы в расчете.

Дрожащие руки Вана жадно вцепились в пухлый сверток. Долг он отдаст, даже еще останется.

– У тебя двадцать минут.

– Господин, этот человек снова здесь.

Се Сяныци оторвал взгляд от лежащей на столе маленькой коробочки и тяжело посмотрел на слугу.

– Этот человек вернулся, – тихо произнес тот. – И хочет встретиться с вами.

Се молчал несколько секунд, не мигая глядя на слугу, после чего отвернулся и медленно провел рукой по столу. Это был странный жест, очень неуверенный, больной. Со стороны могло показаться, что Се пьян, или принял наркотики, или только что проснулся и с трудом ориентируется в окружающей обстановке. Но слуга знал, что хозяин не спал и не принимал наркотики, а его неуверенность явилась результатом тяжелых раздумий. Плодом мрачных предчувствий, одолевавших Се, когда он смотрел на маленькую пластиковую коробочку, в которой прятался только что изготовленный процессор.

Любой человек, мало-мальски понимающий реалии жизни в Анклавах, посмеялся бы над неуверенностью Се. Дей-

ствительно! Принадлежащая старому Сяньцзи *электролаба* располагалась в одном из лучших районов Шанхайчика. Се был самым уважаемым *гравером* китайской диаспоры Анклава Москва, большая часть заказов поступала ему от Триады, глава которой однажды обронил, что мастер Се достоин того, чтобы создавать процессоры из нефрита, настолько хороши они в работе. Сяньцзи был тронут и, будучи разумным человеком, постарался донести эту лестную информацию до максимально большого количества людей, понимая, что похвала такого человека станет дополнительной гарантией безопасности. Но разве в наши дни можно полагаться только на слово, даже если это слово самого господина Пу, главы московского отделения всемогущей Триады? Конечно, нет. Се и не полагался, оснатив свой дом самыми современными средствами защиты. Единственный вход в здание (о существовании тайного запасного выхода не знал никто, кроме хозяина) контролировался стационарным наноскопом, переговоры с посетителями проходили в специальной комнате, в которой гравера защищала перегородка из тонкого, но необычайно прочного стекла. А в самых сложных случаях за спиной посетителя оставался Хуа, доверенный человек и верный слуга. В молодости Хуа работал на Триаду и мог успокоить кого угодно.

Но Се все равно нервничал. Незнакомец тревожил мастера.

Невысокий человек в маске, не позволяющей разглядеть

лицо даже с помощью стационарного наноскопа, пришел неделю назад, ночью, с очень хорошими рекомендациями от китайской диаспоры Анклава Рио. На предложение показать истинное лицо незнакомец ответил вежливым отказом, почтительно объяснив Сяньци, что в этом случае будет вынужден убить уважаемого мастера после окончания переговоров. Предельно честно, но немного странно для нашего времени, ибо любой конструктор за небольшие деньги сделает вам новое лицо на любой вкус. Но тогда, неделю назад, Се не обратил должного внимания на странную сентиментальность гостя...

– Этот человек вернулся, – выдержав паузу, повторил Хуа.
– Пусть он войдет.

В комнату мягко прошел незнакомец. Слуга прикрыл дверь и остался за его спиной.

– Позвольте выразить вам самое глубокое почтение, уважаемый Се. – Гость опустился в кресло, перед глазами гравера возникла знакомая наномаска. – Рад видеть вас в добром здравии.

Движения незнакомца поражали плавностью и мягкостью, но Хуа умел читать жесты и объяснил хозяину, что он видит плавность кобры и мягкость тигра. Визитер был опасен, необычайно опасен. «В наше время даже члены Триады предпочитают пользоваться огнестрельным оружием, но этот человек не такой. Каждый его жест может нести смерть. Он мастер и учился у великого мастера».

– Мой заказ?

Как и во время прошлой встречи, незнакомец пользовался высококласным изменителем – даже обработав запись с помощью всех возможных программ, Хуа так и не смог вычислить его настоящий голос.

– Он... – Се неожиданно замолчал, глядя на наномаску незнакомца, застывшую и нарочито аляповатую. Маску куклы. «Почему он выбрал ее?»

– Мой заказ? – вежливо повторил гость.

Сяныцзи откашлялся и решился:

– Мои деньги?

– Я в вашем доме, уважаемый Се, за моей спиной ваш человек, – со всей почтительностью произнес незнакомец. – Поэтому сначала вы покажете мне исполненный заказ, а уже потом я с вами расплачусь.

Это звучало разумно. Руки гость держал на виду, в отличие от Хуа был безоружен и даже не мог самостоятельно покинуть дом – двери управлялись «балалайками» гравера и слуги. Се вздохнул, и передал коробочку через маленькое окошечко в стекле:

– Ваш заказ.

Незнакомец открыл крышку и несколько секунд внимательно разглядывал чип.

– Машинисты из «Подпрограммы» говорили, что в Шанхайчике не делают «поплавки», – пробормотал он. – Мне рекомендовали обратиться к кому-нибудь с Болота.

– Но вы предпочли обратиться ко мне.

– На Болоте слишком длинные языки, – объяснил незнакомец. – Секреты там хранятся только в том случае, если их обладатели мертвы. А из Шанхайчика информация дойдет только до Триады, а мне это безразлично.

– Вы не боитесь Триаду?

– Я не работаю против нее.

– Весьма разумно, – кивнул Сяньци.

– Поэтому я и живу так долго. Вы позволите проверить вашу работу?

– Разумеется. Вам нужен наноскоп?

– Нет. – Визитер осторожно вытащил процессор из коробочки и аккуратно вставил его в коммуникатор.

– Отлично! Очень качественная работа, мастер Се. – Гость извлек «поплавок» из гнезда и вернул его в коробочку. – Теперь я должен расплатиться.

Хуа не успел. Просто не успел. Движения незнакомца остались плавными, мягкими, но стали настолько стремительными, что уследить за ними не представлялось возможным. Ночной гость оказался рядом с Хуа, завладел ножом слуги, который тут же пустил в ход. Хуа еще оседал на пол, придерживая рукой расползающиеся внутренности, а незнакомец уже стоял возле прозрачной стены, отделяющей его от Се. Что у него было на ладонях? Компактный генератор колебаний? Без нанов? Невозможно! Как невозможно и то, что визитер разбил усиленное стекло простым ударом кула-

ка. Но граверу показалось именно так: один удар – и казавшаяся несокрушимой преграда рухнула, оставив Се один на один с кошмарным посетителем.

Се пришел в себя от пронзившей голову дикой боли. Огненная игла проникла в мозг, вызвала резкий спазм, дернула каждый нерв тела, заставила застонать, выгнуться на полу. И привела в сознание. Что-то теплое и липкое текло по голове. Кровь.

«Все правильно, – безразлично подумал гравер. – Если грубо вырвать „балалайку“, то боль будет именно такой: невозможно острой, резкой, и обязательно потечет кровь».

С трудом заставляя себя не закричать, Сяньцзи приподнялся, оперся локтем о пол и, морщась, посмотрел на стоящего прямо перед ним незнакомца. На бессмысленно улыбающуюся кукольную наномаску.

– Что тебе надо?

«Балалайки» больше нет, и дистанционное управление домом невозможно. Нельзя включить специальную систему и наполнить комнату усыпляющим газом, нельзя вызвать помощь, нельзя даже записать происходящее на удаленный диск, чтобы друзья узнали, кому следует отомстить. Ничего нельзя.

– Что тебе надо? – хрипло повторил гравер.

– Электролаба находится в подвале. Я должен туда попасть.

– Я тебя не пущу.

Сяныцзи всю жизнь собирал свою лабораторию, гордился ею и рассчитывал передать сыну, который обещал вырасти в отличного гравера.

– Вы не понимаете, господин Се, – вежливо произнес незнакомец. – В подвал ведет лифт. Есть шахта. Значит, я могу пройти и без вашей помощи. Вскрыть двери не составит труда. Но я ценю свое время и не столь кровожаден, как вам кажется. Проведите меня в электролабу, и я ограничусь только выполнением задания.

– Что ты имеешь в виду?

Несмотря на разрывающую голову боль, гравер пытался найти выход из положения. «Потянуть время? Бессмысленно. Провести его в подвал? Там есть тайник с оружием...»

– На первом этаже дома находится склад, мелкая мастерская и подсобные помещения, – уверенно перечислил гость. – На втором этаже рабочие кабинеты. На третьем спят ваши родные: три сына, дочь и жена. А также отец, две сестры, муж одной из них и двое детей. Если вы не проведете меня в электролабу добровольно, я убью всю вашу семью и только после этого отправлюсь в подвал.

– А если я открою электролабу?

– Я убью только вас.

– За что?

Гравер не хотел показывать незнакомцу слабость, слова сорвались с губ вопреки его воле.

– Я не знаю, господин Се, – развел руками гость. – Мне приказали уничтожить электролабу и вас лично.

– У меня много друзей в Триаде.

– Очень хорошо, господин Се. Это показывает, что вы действительно хороший гравер. Господин Пу не стал бы зря трепать языком.

Бесполезно. Все бесполезно. Остекленевшие глаза Хуа смотрели в потолок. Без «балалайки» дом неуправляем. А если он сам поведет незнакомца в электролабу, наблюдатели из Триады, на которых выведены расположенные в коридоре видеокамеры, не заподозрят ничего плохого. Если же он откажется, гость убьет всю его семью. Сяныцзи понял, что верит в это. Верит, что проклятый незнакомец сумеет обмануть следящие видеокамеры, пробраться на третий этаж и вырезать спящих там людей.

– Зачем был нужен «поплавок»?

– Это проверка. Мне было приказано заказать процессор и, если вы сможете его сделать, убить вас и уничтожить электролабу. Вы смогли.

– Да, – скривился Се. – Я смог.

Скривился не от боли. Сяныцзи гордился тем, что входит в ограниченное число граверов, умеющих делать «поплавки». Его смерть станет следствием выдающегося мастерства.

– Мы теряем время, – напомнил незнакомец. – Вы испытываете очень сильную и совершенно ненужную боль. Давайте я избавлю вас от нее, схожу наверх, а потом займусь

электрорабой...

– Не надо ходить наверх, – выдохнул Се. – Помоги подняться, я проведу тебя в подвал.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

*«Кантора братьев Бобры», чуть больше часа ночи
За удовольствия надо платить*

«Кантора братьев Бобры» занимала старый четырехэтажный дом в Лялином переулке и была украшена соответствующей неоновой вывеской. Вообще-то в Анклаве Москва канторой называли любое криминальное объединение, и было модным называть штаб-квартиру «Канторой». Висит, к примеру, табличка: «Кантора Звиада Зюзинидзе», и всем понятно, какими делами занимается фирма. Но веселые Бобры пожелали выделиться среди конкурентов и не стали прибегать к пошлой маскировке. Кантора и есть кантора – чего скрывать очевидное?

«Тайга» с обычным нахальством остановилась прямо напротив главного подъезда, и Грег в сопровождении Рашида и Марата уверенно подошел к насторожившимся канторщикам. Безы с автоматами пока остались у джипа.

– Я ищу метелку. Тридцать шесть лет, курносая, зовут Ла-

ура. Примерно час назад она уехала из «Девяток» с Петрухой и Митрохой.

– Он моего вышибалу просканировал и все знает, – торопливо добавил Рашид. – Обещает, что претензий не будет, но метелку надо вернуть.

– Я сообщу братьям... – начал было один из охранников.

– Я им сам все скажу, – отрезал Слоновски. – Дай дорогу.

– Не зарывайся, без, не в Сити.

– Это ты не зарывайся. Ты в Анклаве. И живой. Пока.

– Метелка – жена крутого верхолаза из «Науком», – стараясь сгладить напряженность, скороговоркой сообщил Рашид. – Он на уши всю СБА поставил, вот они и бесятся.

Ему очень не хотелось стать участником перестрелки.

– Дай дорогу! – повторил Грег, недружелюбно глядя на канторщика. – Здесь я ждать не буду. Где метелка?

Тем временем второй охранник успел связаться с начальством и быстро прошептал на ухо упрямцу несколько слов. К большому облегчению Рашида, Бобры решили не портить отношения с СБА.

– Внутрь пушу только тебя, – канторщик ответил Слоновски не менее недружелюбным взглядом, – и Рашида.

– И Марата.

– Это еще зачем?

– Затем, что Рашид мне проводник, а Марат помощник. Если что, Марат мне спину прикроет, а Рашид на пол упадет, понятно?

- А глаза на затылке вам разве не выращивают?
- Не хочу генкарту портить.
- Да хрен с ними, – проворчал второй охранник.

Грег властно прошел в здание, Рашид семенил следом, Марат оглянулся на безов, вздохнул и тоже шагнул в подъезд. Начиналось самое интересное.

– Эй, безы, к чему такая наглость? – раздался веселый голос с площадки третьего этажа. – В дом-то зачем врываться? Неужели нельзя спокойно подождать на улице...

Поднимающийся по лестнице Слоновски задрал голову:

– Где Лаура?

Длинноволосый Петруха Бобры, самый молодой из братьев, рассеянно провел рукой по груди. Он был одет в шелковый халат, шлепанцы и выглядел умиротворенным. Мертвый хорошо продумал операцию и знал, кого направить в кантору первым, – хороший секс расслабляет. Лаура потрудилась на славу, и даже появление безов вызвало в Петрухе не злобу, а иронию.

– Что, твоя очередь пришла?

– А ты что, не все успел? – улыбнулся Грег.

Петруха не рядовой канторщик, на него давить не надо. По крайней мере, сейчас не надо.

– Все успел... – Он был весьма доволен собой. – И Митроха успел.

Второй Бобры вышел из двери и поправил шаровары.

– О чем спорим?

Митроха славился на весь Анклав вечной небритостью – щетина на его лице всегда была трех-четырёхдневной давности – и золотой улыбкой. В юношеских драках за банду «жеребцов» Митроха растерял почти все зубы, но отказался от имплантантов, отдав предпочтение золотым фиксам.

– Безы за метелкой прибыли.

– Ща принесем.

– Заберем сами, – буркнул Грег.

– Как хотите.

Митроха тоже был умиротворен. «А Лаура действительно молодец, ишь, как братьев вымотала, – подумал Слоновски, проходя в коридор. – Пригласить ее на ужин, что ли?»

Апартаменты братьев были обставлены богато, но безвкусно. Дорогая мебель, изящные светильники, ковры ручной работы – на обстановку денег не жалели. Поскупились на хорошего дизайнера, а потому ни одна из вещей не сочеталась с остальными, и комната напоминала склад трофеев. Обнаженная Лаура, раскинув ноги, лежала в самом дальнем углу необъятной кровати.

– Она?

– Она, – подтвердил Грег.

– Мы ее не обижали, – проворчал Петруха. – Все по взаимному согласию.

– Она мне еще в «Девятках» в штаны полезла, – добавил Митроха. – Прямо за столиком. Такая шлюха...

– Девушка не шлюха, – заметил Марат. – Она просто ослабилась.

Слоновски усмехнулся: у верхолазов корпораций есть много возможностей испортить жизнь скромным бандитам с большой дороги, вот Бобры и суетятся.

– Лаура с мужем поцапалась, – объяснил Грег. – Застала его в постели с двумя цыпочками из «Мозаики» и закатила скандал.

– А потом помчалась мстить, – догадался Петруха.

– Угу.

– А тут мы...

Бобры переглянулись и одновременно ухмыльнулись.

– Вообще шебутная метелка, – зевнул Митроха. – Пока ее дзен-коктейль не свалил, такое вытворяла... Непонятно, кто кого насиловал.

– Никаких проблем, пусть с ней муж разбирается. – Слоновски вытащил пачку сигарет. – Будете?

– Давай.

Пару минут мужчины молча курили, разглядывая лежащую на кровати женщину. Петруха и Митроха с легкими улыбочками, видимо, вспоминая недавние игры, Грег и Марат безразлично, Рашид с любопытством.

– Что она приняла? – поинтересовался Слоновски.

– Наркоты вроде не было, – припомнил Петруха. – Пила довольно много...

– И два дзен-коктейля здесь, – добавил Митроха.

– В себя она не придет, – определил Грег. – Придется тащить.

Понятливый Марат быстро побросал одежду Лауры на простыню, в нее же завернул саму женщину и легко поднял на руки.

– Одевать не будете? – осведомился Рашид. – Могу помочь.

– Они ее в машине оприходуют, – ухмыльнулся Петруха. – Все равно ведь утром ничего не вспомнит, шлюха.

Слоновски усмехнулся, но промолчал. По закрытому, тщательно защищенному каналу на его «балалайку» пришло последнее подтверждение: цель находится на этом этаже, в последней комнате справа по дороге к лестнице. Штаб-квартиру Бобры уже четыре часа сканировали стационарными наноскопами, так что ошибка исключалась. Марат тоже принял сообщение и незаметно взял правее. Оставалось понять, получила ли послание Лаура и помогли ли ей инъекции, сделанные медиками «Науком» перед тем, как женщина направилась в «Девятки». Как выяснилось впоследствии: и получила, и помогли. А потому дальнейшие события развивались в полном соответствии с планом Мертвого.

Лаура застонала и закашлялась.

– Ее тошнит! – с отвращением воскликнул Марат.

– В первый раз, что ли? – недовольно зарычал Слоновски.

– Она мне все штаны изгадит!

Бобры заржали. Лаура рыгнула, и Рашид отскочил в сто-

рону.

– Ну ее к черту! – Марат поставил женщину на пол и при-
слонил к стене. – Пусть желудок очистит!

– Дайте ей воды, – попросил Грег.

– Куда ей еще пить? – продолжили ржать братья. – Ша и
так из нее поперет!

Сбросившая простыню Лаура, кашляя и срыгивая, сдела-
ла пару неуверенных шагов и, «случайно» надавив на руч-
ку двери, ввалилась в нужную комнату. Это был самый тон-
кий момент операции: если бы дверь оказалась закрытой, до-
браться до цели пришлось бы куда менее правдоподобным
способом. Но ставка на разгильдяйство Бобры оправдала се-
бя на сто процентов.

– Куда ее понесло?! – напрягся Митроха. – Пусть в кори-
доре блюет!

– Не надо было ее поить!

– Она сама накидалась!

Сидевшие в комнате мужчины изумленно наблюдали за
тем, как голая женщина вываливает на пол содержимое же-
лудка.

– Позовите уборщицу!

Слоновски состряпал на лице гримасу омерзения, обошел
дурно пахнущую лужу и склонился над Лаурой.

– Вроде все.

– Чертова шлюха! – выругался Петруха.

– Дайте другую простыню!

– Голой тащи! Вонючая верхолазка!

Грег небрежно оглядел помещение, так, как поступил бы в самом обычном случае. Опомнившийся охранник стоит у стены, положив ладонь на рукоять пистолета. Присутствие братьев его успокоило, но было видно, что парень получил четкие инструкции и будет действовать вне зависимости от присутствия начальства. Второй мужчина...

Миниатюрный наноскоп, встроенный в «балалайку» Слоновски, подал сигнал. Вообще он сигнализировал почти непрерывно – мелких нанов во всех гаджетах полно. Но сейчас, едва Грег посмотрел на сидящего в кресле паренька, наноскоп просто взбесился и по экрану, напыленному на глаза Слоновски, побежали результаты сканирования. Семь «поплавков» в скрытом контейнере. Семь! Цель обнаружена.

Грег не изменился в лице. И больше на паренька не смотрел. Краем глаза Слоновски заметил, как насторожился Петруха, и понял, что надо быть предельно осторожным. Бобы прекрасно знают, что прячет курьер, и теперь лихорадочно думают, как побыстрее выставить безов из комнаты. «Поплавки» были очень горячим товаром. Каждому процессору присваивался уникальный идентификационный номер, а выпустившая чип корпорация несла вечную ответственность за его дальнейшую судьбу. Разумеется, граверы экстра-класса давно научились делать «поплавки», вот только за немаркированные процессоры убивают после долгих пыток...

Лаура опустилась на колени, ее снова тошнило.

– Марат, где шмотки?

Грег повернулся к дверям. Петруха облегченно выдохнул, Митроха отступил в коридор, давая пройти помощнику Слоновски... И в этот момент Грег резко ударил охранника ребром ладони в кадык. И тут же, рывком выдернув из кресла паренька, прижал его к стене и взял на болевой. А через «балалайку» по открытому каналу – чтобы прочитали работающие на Бобры машинисты – пошел сигнал в СБА: «Обнаружено семь „П“! Нужна помощь!» Мгновенно сориентировавшийся Марат вытолкнул Петруху в коридор и выхватил «дыроделы». Тот, что в левой руке, Марат всегда ставил на автомат, и эффектная очередь из шести пуль заставила братьев пригнуть головы.

– Вы что дикуете?!

Митроха еще не понял, почему безы принялись за работу. Догадавшийся же Петруха разъяренно пнул ногой стену.

– Суки!

– Бобры, у вас что, крышу снесло?! – заревел Грег. – Что это за парень?!

Курьер застонал от боли – прием, который использовал Слоновски, нежных объятий не предполагал.

– Бери метелку и мотай отсюда!! – Митроха не понимал или косил под дурачка. – А стрельбу мы тебе прощаем!

– У него «поплавков» в кармане больше, чем у тебя своих зубов! – рявкнул Грег. – Ты с кем связался, придурок?

Умная Лаура, продолжая делать вид, что ей плохо, мед-

ленно отползла с возможной линии огня. Ее роль закончилась. Напряженный Марат не спускал глаз с дверей, он знал, что в случае штурма ляжет первым, а потому был взвинчен до невозможности. Пальцы дрожат на спусковых крючках. Сколько осталось продержаться? Минут десять? Команда СБА, конечно, давно рядом, но сразу ее Кауфман не выпустит, чтобы не вызвать подозрений.

– Бобры, зачем вам «поплавки»? Жить надоело?!

– Мы не знали, что за груз у курьера, – после паузы сообщили из коридора. Появляться в дверном проеме братья благоразумно не стали.

– Мертвому расскажете! – Слоновски громко выругался. – Я-то считал вас умными!

Судя по топоту ног, к комнате подоспело не меньше десятка канторщиков. Будет штурм? Марат облизал губы. Лаура уже сидит в углу, и рядом с ней «случайно» оказался пистолет убитого Греггом охранника. Из коридора донеслись приглушенные голоса. Бобры ругались.

– Черт! – Слоновски почувствовал, что курьер обмяк. – Сдох!

И, швырнув тело на пол, вытащил свои пистолеты.

– Ему, наверное, цианид в «балалайку» вшили, – хмуро сообщил из коридора Рашид. – И прописали автономную программу активации. Она от твоих воплей запустилась.

Стандартное снаряжение курьеров с опасным грузом. Хозяевам «поплавков» не хотелось, чтобы паренек дал «интер-

вью» доктору Кауфману.

– А где Бобры? – ехидно поинтересовался Грег.

– Одеваться пошли.

Не одеваться, конечно, а драпать, пока не прибыли безы. Но новость все равно хорошая – штурма не будет.

Слоновски сплюнул, убрал «дыроделы» в кобуры и грубо вскрыл контейнер в груди курьера. Так и есть – семь процессоров в прозрачных пластиковых капсулах.

– Как ты его засек? – спросил Рашид. – Носишь наноскоп в «балалайке»?

– Угу.

– Дорогая игрушка.

– Стандартная для руководителя группы.

– Договориться с братьями не хочешь?

– На «поплавки» не договариваются, – отрезал Грег. – Да и поздно уже.

Здание канторы окутал рев двигателей. Кауфман, как и планировалось, устроил грандиозный спектакль, вполне достойный семи «поплавков». С обеих сторон переулок был блокирован броневиками СБА, над домом кружил вертолет огневой поддержки, а еще один, десантный, только что бросил на крышу группу захвата. Пятнадцать человек пробились к Грегу сверху, не менее полусотни снизу, и до осажденных уже долетел характерный топот, производимый облаченными в боевые комплекты безами.

Слоновски перевел дух.

Анклав: Москва

Территория: Сити

«Пирамидом», пять часов утра

Все выглядят уставшими

Сити, деловой и научный центр Анклава Москва, его сердце, его мозг, разительно отличался от остального города. Этот район заложили еще в начале века, тогда же расчистили площадку, полностью разрушив мешавшие строительству здания, и с тех пор ни одна старая постройка не нарушала изящества решений современной архитектуры. Небоскребы, многоуровневые дороги и вертолетные площадки, крытые площади и пешеходные мосты через реку, супермаркеты и деловые центры, штаб-квартиры корпораций и научные комплексы, конференц-залы и рестораны, в которых не встречались ненатуральные продукты. Сталь, пластик, стекло, суперкамень, облицовочный мрамор и опять сталь. Триумф разума, образец города будущего. Ни одна столица мира не могла соперничать с футуристическими комплексами Анклавов, а московское Сити считалось едва ли не самым масштабным и претенциозным из них.

Но одно здание выделялось даже в этом величественном районе. Не самое высокое, не самое большое, не самое новое

и не самое красивое. Оно привлекало внимание необычным, странным решением. Огромное основание, поднимающееся над землей на двадцать четыре уровня, держало на себе колоссальную пирамиду, вершина которой достигала высоты иных небоскребов. Гладкую, черную пирамиду: к ней не подходили эстакады, а вертолетные площадки, в случае необходимости, выдвигались из здания, принимали машины и сразу же втягивали их внутрь. «Пирамидом» – штаб-квартира московского филиала всесильной СБА. Это здание манило взгляды и пугало, вызывало любопытство и страх, уважение и ужас. «Пирамидом» не возвышался над Сити, но знал все, что в нем происходит, не правил, а служил. Его машинисты защищали внутреннюю сеть Москвы, а безы наводили порядок на улицах: в гранях темной пирамиды отражалась вся жизнь Анклава. И пусть действия СБА жестко регламентировались Положением, ее полномочия все равно были столь широки, что мало кто из граждан желал оказаться в «Пирамидоме». Тем более, в положении долгожданного гостя.

Шэнхун не знал, кого из собеседников следует бояться больше. Оба вызывали у него неподдельный страх, хотя и не были похожи друг на друга.

Невысокий худой мужчина расположился на стуле, поставив его спинкой вперед и опустив подбородок на кулаки. На вид ему было не меньше шестидесяти, но во времена наномедицины и кудесников из Мутабор можно легко ошибиться

с возрастом лет на тридцать, а то и сорок. Черный костюм, темная спортивная рубашка, не предполагающая наличия галстука, черные, начищенные до блеска туфли и черные кожаные перчатки – даже этого описания вполне достаточно, чтобы понять, кто сидел напротив пленника. Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА. Мертвый. По общему мнению, самый безжалостный и жестокий обитатель Анклава.

Кауфман молчал, внимательно наблюдая за происходящим и предоставив действовать помощнику, обходительно-молодому человеку не старше тридцати лет. О нем Шэнхун не знал ничего, но уже успел выучить странное русское имя: Мишенька.

– Вам удобно? – вежливо спросил молодой.

Вопрос прозвучал с вкрадчивой доброжелательностью, но серые глаза, прячущиеся за квадратными стеклами стильных очков, остались равнодушными. Глаза не врали: Мишеньке было глубоко безразлично, насколько приятно полностью обнаженному Шэнхуну сидеть в холодном металлическом кресле.

– Вам удобно?

Не дождавшись ответа и на этот раз, молодой человек вздохнул и намекнул пленному, что предпочитает диалог, а не монолог: Шэнхун почувствовал, что металлическое сиденье стало стремительно нагреваться.

– Мне удобно! – проорал китаец.

– Очень хорошо.

Температура сиденья вернулась в норму. Мертвый достал из кармана пиджака запищавший коммуникатор.

– Да? Пришлите отчет, я почитаю. Нет, сейчас я занят.

«Слухи не вдали, – машинально отметил Шэнхун: директор СБА действительно не вживил себе „балалайку“, продолжая пользоваться устаревшим коммуникатором. – Очень странно...»

Отвлекаясь на Макса, китаец не заметил, что Мишенька принялся монотонно зачитывать какой-то текст:

– ...майор военной разведки. Вы работаете в отделе полковника Тао шесть лет и принимали участие во всех его операциях. Два года назад, во время вечеринки по поводу присвоения вам звания майора, Тао назвал вас лучшим сотрудником. Вашей жене двадцать четыре года, сыну пять лет...

Кауфман вернул тонюсенькую пластинку коммуникатора в карман и жестом бесконечно уставшего человека провел рукой от лба, взлохматив редкие, мышиного цвета волосы.

– Мишенька, закругляйся. Наш гость оценил степень твоей информированности.

– От меня откровенности не ждите, – предупредил Шэнхун. – Я не имею права выдавать служебную информацию.

– Собираешься сопротивляться? – безразлично спросил Мертвый.

– Вы знаете правила. – Китаец нашел в себе силы улыбнуться. – Похищения ценных сотрудников случаются, и на-

ша контрразведка предусмотрела этот вариант.

— Мы удалили ампулу с цианидом, которой была оснащена ваша «балалайка», — сообщил Мишенька. — Да и саму «балалайку» удалили. Ведь по легенде вы мертвы.

— Ампула далеко не единственный способ сохранения информации, — вздохнул Шэнхун. — Прежде чем прийти на работу к Тао, я провел шесть недель в военном госпитале...

— Где вашу голову модернизировали лучшие врачи Поднебесной, — мягко продолжил Мишенька. — Не беспокойтесь, господин майор, мы прекрасно осведомлены о способах, с помощью которых нейрохирурги и гипнотерапевты надеются защитить секреты Народной республики. Вас, разумеется, уверяли, что гарантия стопроцентная?

— Разумеется. — Шэнхун облизал пересохшие губы. Китаецу не понравилась уверенность этого русского.

— Пропаганда, — легко махнул рукой Мишенька. — Против химического или гипнотического воздействия защита действительно великолепна. Я мог бы накачать вас наркотиками, попробовать копнуть сознание, но добился бы лишь остановки сердца. Вы ведь знаете, что заложенная в вас нейропрограмма самостоятельно оценивает, насколько качественно из вас вытягивают секреты, и в определенный момент отдает приказ умереть?

— Знаю, — спокойно ответил китаец. Он искренне не понимал, почему эта проклятая программа до сих пор не работала.

– Но заметьте, нейропрограмма не реагирует на боль. Это логично. Вас могут ранить, вы можете получить травму во время катастрофы или стихийного бедствия. Вы можете рассечь палец, отрезая себе кусок хлеба... Согласитесь, глупо программировать самоубийство на боль: никому не интересно терять опытного офицера только потому, что он неумело обращается с ножом или попал под мобиль, переломав пару ребер.

– Меня учили блокировать болевые ощущения, – хрипло произнес Шэнхун.

– Конечно, учили, – рассмеялся Мертвый. Судя по всему, директора московского филиала СБА увлек разговор. – Но знаете, майор, при определенном подходе слетают даже повторяющиеся гипноблоки взаимной поддержки. Мишенька, сколько лет ты учился?

– Восемь, доктор Кауфман, – с легким поклоном ответил молодой человек.

И отошел чуть в сторону, чтобы не заслонять пленника от Макса.

– Восемь лет после получения базового образования в Университете, – с искренним уважением произнес Мертвый. – Ты разведчик, майор, и должен понимать, что хороший дознаватель – это не профессия, это уникум. Хороший дознаватель вытянет информацию даже из камня. Найдет нужный подход. Мишенька, чему ты учился?

– Классическая медицина, гипнотическая терапия, биохимия,

мия, психология, история...

– История? – не удержался Шэнхун. Уж больно неожиданно прозвучало название этой дисциплины.

– Мишенька – бакалавр Университета, – с гордостью сообщил Кауфман. – У него четыре научные работы по истории.

– Хобби?

– Отнюдь. Ты не представляешь, майор, какую смекалку проявляли наши предки в деле получения информации. «Сыворотки правды» и гипнотических атак тогда не существовало, приходилось осуществлять прямое воздействие на клиентов, довольно грубое, но эффективное. Мишенька тщательно изучал древние техники допросов и делал нужные для работы выводы.

– Особенно мне нравятся восточные методики, – скромно уточнил молодой человек.

Китаец тяжело посмотрел на Мишеньку. Гладко выбритый, аккуратный и внимательный. Дознатель. Шэнхун знал таких, насмотрелся в разведке. Не любил. Наверняка у этого Мишеньки хороший дом в тщательно охраняемом районе или шикарная квартира, на столе только натуральные продукты, красавица-жена и несколько детишек, которые с нетерпением ждут, когда папа вернется с работы. Иногда папе приходится задерживаться, как сегодня, например, и тогда ребятишки ложатся спать огорченными...

– Господин майор, я не сомневаюсь, что вас хорошо на-

учили противодействовать силовым допросам. Возможности человеческого организма велики, и теоретически вы способны молчать до тех пор, пока не умрете от болевого шока. Но, поверьте, я этого не допущу.

«Ты ведь проклятый уникум!»

– Специалистам Мутабор удалось создать на базе сыворотки Х9 очень интересный коктейль... Вы знаете принципы Мутабор, они делятся своими секретами только с избранными корпорациями, а потому сведения о новой разработке еще неизвестны Народной республике.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, – невозмутимо сверкнул очками Мишенька, – что независимо от вашей тренированности вы почувствуете боль сразу же, как только я начну допрос. Единственная проблема – нужно правильно рассчитать дозировку. Можно обострить восприятие до такого предела, что вас убьет даже прикосновение булавки.

– Потрясающее зрелище, кстати, – вставил Мертвый. – Две недели назад Мишенька показывал мне, как действует эта дрянь. Он ввел клиенту большую дозу коктейля, я щелкнул его по лбу – и клиент умер от болевого шока. Парни из Мутабор, конечно, психи, но ведь безумие и гениальность идут рука об руку, да? – Макс резко подался вперед. – Ты согласен, майор?

Шэнхун вздрогнул. Кто сидел перед ним? Безумец или гений? В военной разведке к доктору Кауфману относились с

уважением, как к сильному противнику. Но, может, никто просто не задавался вопросом, не сумасшедший ли Мертвый? Голубые глаза Макса лихорадочно блеснули, крылья крючковатого носа раздулись, рот чуть приоткрылся. Чего он ждет? Ответа на свой вопрос? Или почувствовал запах крови?

– Зачем меня похитили? – с трудом произнес китаец. Он отчаянно захотел сменить тему разговора, оторваться от пронзительного взгляда голубых глаз.

Несколько мгновений Мертвый продолжал буравить пленника взглядом, после чего презрительно скривился:

– Нам нужно кое-что проверить, майор. И кое о чем узнать. Мишенька!

Помощник открыл дверь и вкатил в комнату кресло с... Назвать это существо человеком было непросто. Кауфман не врал: Мишенька был уникалом, и только поэтому то, что сидело в кресле, было еще живо. И даже обладало способностью отвечать на вопросы. Но все остальное... Шэнхун многое повидал на своем веку, но сейчас ему потребовалось собрать в кулак всю волю, чтобы не вскрикнуть, не отвести взгляд.

– Если ты не узнал, это ломщик Арлекин, – ровным голосом поведал Макс. – Приключение в аэропорту Санкт-Петербурга – прикрытие, мы взяли Арлекина еще в Воронеже.

Кауфман принципиально не вербовал ломщиков, пойманных на месте преступления. Допустив прокол во время опе-

раций, они сами подтверждали, что их квалификация ниже, чем у уже работающих на Мертвого машинистов, и тем подписывали себе приговор.

– Мишенька, я бы хотел, чтобы Арлекин поведал свою историю, – улыбнулся Макс. – Он способен на это?

– Разумеется, доктор Кауфман.

Мертвый обернулся к Шэнхуну:

– Слушайте внимательно.

– Я работал на китайскую военную разведку четыре года, – прохрипело нечто, находящееся в кресле. – Меня завербовал полковник Тао. Майор Шэнхун – его правая рука.

Китаец скрипнул зубами.

– По их приказу я ломал сайты девяти корпораций. Последняя задача – лаборатория «МосТех» в Воронеже. Операция закончилась неудачей, но еще до ее начала Тао говорил, что ему крайне необходимы результаты исследований инженеров «МосТех» и он не остановится, даже если придется ломать внутреннюю сеть Анклава Москва.

Макс вопросительно посмотрел на Шэнхуна.

– Полковник любит грандиозные планы, – осторожно произнес китаец. – Уверен, неудача в Воронеже остудила его пыл. Народная республика высоко ценит сотрудничество с Анклавами, и вряд ли Тао разрешат ломать внутреннюю сеть Москвы. К тому же у нас не осталось квалифицированных ломщиков.

Кауфман тонко улыбнулся:

– Если бы я был столь наивен, твои сородичи давно бы вели себя в Москве с той же наглостью, что в Сингапуре и Токио.

– Год назад я сдал полковнику Тао ломщика по кличке Чайка, – продолжило обработанное Мишенькой нечто.

– Как видишь, майор, достойный исполнитель у Тао есть. И я хочу, чтобы ты рассказал все, что знаешь, о готовящейся против моего Анклава операции.

Шэнхун обреченно молчал.

Понявший все без слов Мишенька вернул кресло с Арлекином в соседнюю комнату, а возвратившись, сменил пиджак на белоснежный медицинский халат. Кауфман вздохнул и посмотрел на антикварные золотые часы.

– Братьев Бобры поймали?

– Да, доктор Кауфман, – немедленно отозвался Мишенька. – И уже успели допросить.

– Хорошо. – Мертвый рассеянно достал коммуникатор, повертел его в руке, но включать не стал. – Что они говорят?

– Как обычно в таких случаях, – улыбнулся Мишенька. – Их нанял *Консорциум*. Предложение пришло по электронной почте: встретить курьера и прикрыть его до тех пор, пока не явится заказчик. Оплата вперед. Бобры клянутся, что не знали о «поплавках».

– А наноскопы в их конторе на ремонте, – рассмеялся Макс.

– Следует ли им поверить?

Кауфман помолчал:

– Они успели вывести из строя наноскопы?

– Да.

– Хоть здесь эти дурни не облажались.

Дознаватель бесстрастно молчал. Он знал, что Мертвый редко рубит сплеча, предпочитая старых, проверенных врагов новым и непредсказуемым. Непутевые, но изученные вдоль и поперек братья вполне вписывались в уравнения Макса. И теперь директор, не желая наблюдать за появлением на Болоте новой канторы, ищет повод, чтобы отпустить незадачливых контрабандистов на свободу. А возможно, у него были и другие резоны, о которых Мишенька еще не знал.

– Они наняли адвоката?

– Да.

– Прикажи нашим особо не усердствовать, – принял решение Кауфман. – Двойной штраф за содействие контрабанде, два года условно каждому, и... пусть им вломят как следует.

– И отпустить?

– В конце концов, они играли по правилам, даже перестрелку не устроили, – усмехнулся Мертвый. – А если мы их посадим, то на Болоте начнется очередная канторская война, тебе это надо?

– Братьев четверо, – напомнил Мишенька. – Двое посадят

в кутузке, остальные постерегут территорию.

– Нет... – Кауфман потер переносицу. – В кутузке они просто отдыхают, а на воле им придется разбираться с Консорциумом. Не будем облегчать Бобры жизнь.

– Понял.

Мертвый кивнул и собрался сосредоточиться на коммуникаторе, но Мишенька тихонько кашлянул.

– Да?

– Доктор Кауфман, если вы позволите...

– Конечно.

– Я не совсем понял, зачем мы взяли китайца. О том, что Тао завербовал Чайку, мы знали. О том, что атаку следует ждать в самое ближайшее время, мы догадывались. Ничего нового о Фадееве Шэнхун не сказал. Получается, мы просто подразнили *поднебесников*.

Мертвый улыбнулся и терпеливо, как профессор любимому ученику, объяснил:

– Во-первых, мы получили подтверждение всему, что знали. Это уже немало. А во-вторых... Мы заставили Тао нервничать. Теперь, я уверен, полковник обязательно примчится в Москву, чтобы лично контролировать ход операции.

– Это важно?

– Важно, – кивнул Мертвый. – Полковник Тао – бриллиант в короне одного моего старого друга.

Где-то на орбите Земли

Станция «Яблоко»

Невесомость, весьма необычные ощущения

– Невероятно! Невероятно! Сильнее! О!!

Восклицание перешло в протяжный стон. Петра запрокинула голову, тонкие пальцы судорожно впились в широкие плечи партнера, и длинные ногти оставили на них кровавые отметины.

– О!

Она наградила мужчину страстным поцелуем, вновь откинулась назад, глубоко вдохнула и довольно рассмеялась:

– Потрясающе! Ты не спейс-инструктор, Джимми, а секс. Это было здорово!

Он чуть ослабил объятия, провел ладонью по маленькой груди девушки и ответил хорошо поставленной мужественной улыбкой.

– Ты первый раз занималась любовью в невесомости?

– Год назад мы с приятелем по колледжу прилетали сюда обычными туристами. – В ее больших карих глазах заиграли озорные искры. – Но с тобой, Джимми, получилось гораздо лучше.

– Опыт, Петра, опыт, – рассмеялся мужчина. – Я провожу

в «Яблоке» много времени и обучился кое-каким трюкам.

– Я хочу попробовать их все!

– Охотно поспособствую.

Петра мягко высвободилась из объятий любовника, легко оттолкнулась и уверенно подплыла к огромному иллюминатору.

– Это Австралия? Господи, какая она маленькая!

– Там идут дожди, – усмехнулся Джимми, прищурившись на закрывающие континент облака.

Он заложил руки за голову и лениво наблюдал за передвижениями черных кружевных трусиков. Красавица стянула их в районе кровати, если местное ложе можно так назвать, и теперь дорогостоящее белье не спеша патрулировало каюту. Бюстгальтеру повезло меньше: он зацепился за изысканное бра («люкс», как-никак) и теперь жалобно колыхался, пытаясь взлететь к потолку.

– Плевать на Австралию! Я хочу вина! – Петра подплыла к бару. – Никак не привыкну, что вино можно пить таким образом. Ты будешь?

– Да.

Джимми с удовольствием следил за полетом обнаженной девушки. Стройная, спортивная, очень гибкая – энергия молодости была в Петре ключом. Она выгодно отличалась от обычных клиенток спейс-инструктора: богатых матрон, набитых дорогими трансплантатами. Скоростной спуск на поверхность они воспринимали как необходимый, но не са-

мый приятный эпизод увлекательного путешествия на орбиту. Спейс-слалом был моден. Но Петру, в этом Джим был уверен, привлекал именно полет на спортивном шаттле. Скорость и адреналин, острые ощущения. Все остальное она воспринимала как приятное сопровождение.

«Интересно, в ее спальне есть плюшевый медведь?»

– О чем задумался? – Девушка подплыла к любовнику, обхватила стройными ногами, прижалась, игриво заглянула в глаза. – Надеюсь, вспоминаешь свои трюки?

– Набираюсь сил.

– Правильно. Подержи. – Петра сунула ему в руки «бокалы» с вином – на орбите нелепо рассчитывать на хрустальные фужеры – и собрала в длинный хвост пышные каштановые волосы. Парящие в невесомости пряди хороши во время страстной схватки, сейчас они мешали.

И Джим поймал себя на мысли, что любит ее лицом. Просто любит. Не может оторвать глаз. Изящный узкий овал, маленький носик, тонкие брови, чуть припухлые губы... Джим видел много дорогих лиц, некоторые были подлинными хирургическими шедеврами, над которыми колдовали целые клиники. Но у Петры все было настоящим, своим, пластические художники еще не прикасались к ее телу. Конечно, ей всего восемнадцать, но, черт побери, она даже не стала увеличивать бюст! Это возбуждало.

Джим прикоснулся губами к твердому соску девушки.

– Ты набрался сил?

– Я...

Его прервал перезвон стационарного коммуникатора. Девушка произнесла не подходящее леди слово. Перезвон повторился, теперь к нему добавился мужской голос:

– Петра, это я, ответь!

– Не мог прислать письмо в «балалайку»! – недовольно буркнула девушка. – Где моя майка?

Джимми подал Петре болтающуюся неподалеку тряпицу и благоразумно отплыл в сторону, уходя из обзора коммуникатора. Девушка торопливо натянула майку, подплыла к прибору и нажала на кнопку соединения:

– Привет!

– Ты не ответила на три моих письма, – сварливо заметил появившийся на экране мужчина.

– Я тоже рада тебя видеть.

– Извини. – Мужчина выдержал короткую паузу. – Я волнуюсь. Я читал, что этот спейс-слалом – довольно опасный спорт. Ты убедилась, что шаттл, на котором ты...

– Я не разбираюсь в космических двигателях и не могу на глаз оценить состояние обшивки, – отрезала Петра. – Для этого есть техники. А во время спуска со мной будет опытный инструктор.

– И все равно я беспокоюсь. – Джиму показалось или в голосе мужчины действительно мелькнули заискивающие нотки? – Когда ты летишь?

– Завтра.

– Уже знаешь, где приземлишься?

– В Москве. – Разговор утомил Петру.

– Пожалуйста, когда приземлишься, немедленно пошли мне письмо.

– Хорошо.

– Я люблю тебя.

– И я тебя.

Девушка отключила коммуникатор, но осталась сидеть перед ним, задумчиво разглядывая свое отражение в почерневшем экране.

– Твой старик? – Джим подплыл к Петре.

– Нет, отец.

– Я это и имел в виду.

Девушка холодно посмотрела на инструктора.

– Мой старик – это Дед. А звонил отец. Теперь все понятно?

Звонок сильно испортил ей настроение.

– Деда ты любишь больше?

Взгляд Петры чуть потеплел.

– Дед умный... – И снова лед. – А отец женился на матери из-за денег.

– Извини.

– Ничего. – Девушка подлетела к бару, выбрала маленький «бокал» с водкой, выпила, швырнула опустевшую емкость в утилизатор и подмигнула Джиму: – Вернемся к твоим трюкам?

Анклав: Москва

Территория: Сити

«Подсолнух», начало рабочего дня

Поспать никому не удалось

В свое время, выбирая, как будет выглядеть штаб-квартира «Науком», директорат корпорации отверг этот проект. Предложение архитектора Власова выглядело довольно романтичным, мягко говоря, странным и, казалось, совсем не отражало внутреннюю суть крупнейшего в мире производителя оружия. Длиннющий, цилиндрической формы небоскреб, оснащенный небольшими «листьями» вертолетных площадок, венчался потрясающим круглым «цветком», расположенным под небольшим углом к зданию и придающим ему сходство с подсолнухом. Власов не зря считался сумасшедшим. До того, как его навсегда закрыли в соответствующей клинике, он успел построить всего четыре комплекса, и штаб-квартира «Науком» была самой бредовой по замыслу и самой красивой по исполнению. Президент корпорации, Игорь Александрович Холодов, лично настоял именно на этом проекте, и невероятный «Подсолнух» украсил Сити, сразу же став одной из достопримечательностей Анклава. Даже сейчас, когда архитектурные находки Анклавов пере-

стали удивлять, находились люди, специально приезжающие в Москву, чтобы полюбоваться на грандиозный, тянущийся к Солнцу цветок.

Разумеется, кабинет Холодова располагался на самом верху штаб-квартиры, венчал собой строение и площадью соответствовал небольшому футбольному полю. Но в этом не было хвастовства: Игорь Александрович, мужчина крупный, широкий в кости, недолюбливал тесные пространства.

– Значит, атака будет в ближайшие дни? – Холодов подвел черту под изложенными Кауфманом новостями.

– В ближайшие, – подтвердил Макс. – Думаю, в течение двух-трех суток.

– Поднебесники нашли ломщика, не испугавшегося твоей репутации? – усмехнулся Старович.

Геннадий Старович, третий и последний участник совещания, являлся директором Финансового департамента «Науком» и контролировал колоссальные средства корпорации. Стратегия, тактика и база. Три человека, собравшиеся в кабинете президента, были не просто сослуживцами или компаньонами. Это был коллективный ум неофициального и не имеющего права на жизнь объединения Московский Клуб, мощного союза транснациональных корпораций. Положение об Анклавах сурово запрещало создание подобных групп, за чем помимо всего прочего обязан был следить местный директор СБА...

– Завербовали, – поправил финансиста Мертвый. – Тао

взял Чайку год назад и предложил простой выбор: вербовка или китайская каторга. После кратковременной экскурсии в тюрьму Чайка принял правильное решение.

– Я не очень разбираюсь в этих вещах, – пробурчал Холодов. – Чайка – хороший ломщик?

– Великий. Он наследил во многих Анклавах.

– Я не помню, чтобы у нас были с ним проблемы.

– Он избегал связанных с Москвой контрактов после одной старой истории, – скупой ответил Кауфман. – Но, поверьте мне на слово: Чайка хорош.

– Ты с ним справишься? – осведомился президент «Науком».

– Постараюсь, – улыбнулся Мертвый. – Собственно, это моя работа.

– И как ты найдешь этого Чайку?

В отличие от Холодова Старовичу нечасто приходилось погружаться в проблемы безопасности, а потому вопрос финансового гения «Науком» прозвучал странно. Для опытных людей, разумеется.

– Гена, я не буду никого искать, – любезно ответил Кауфман. – Придут ломать сеть – повяжу.

– А если не придут?

– Не повяжу.

– Так просто?

– В Анклаве живет сорок миллионов человек, – вздохнул Макс. – Я знаю, что ломщик едет, я знаю, кто едет, но я по-

нятия не имею, когда он появится, откуда и как выглядит. У Чайки новое лицо, новые документы, новая «балалайка». Я пытаюсь контролировать тех его друзей, о которых мне известно, но это далеко не все его связи. Разумеется, у меня есть кое-какие планы... наработки, которые позволяют мне чувствовать себя уверенно, но брать Чайку я буду во время атаки.

– Ты даже не знаешь, когда она будет.

– В ближайшие дни, – пожал плечами Мертвый.

– И не знаешь, откуда...

– Только изнутри! – В этом вопросе Кауфман был категоричен. – Сломать внутреннюю сеть снаружи невозможно, так что атака пойдет с корпоративных территорий: Сити, Университет, Колыма или Царское Село. Сейчас мы пытаемся просчитать, откуда именно.

– Гена, хватит лезть в вопросы, в которых не разбираешься, – мягко улыбнулся Холодов. – Расскажи, лучше, что творится на биржах.

– У меня все ОК, – уверенно, почти не раздумывая, ответил Старович. Чувствовалось, что он взялся за хорошо знакомую тему, о которой мог говорить часами. – С тех пор как прошла утечка из Воронежа, Фадеев непрерывно играет на повышение. Он скупает все акции «МосТех», которые появляются на торгах. Его фонды кажутся неистощимыми.

– Все его фонды пришли из «Hong-Kong Free Bank», – буркнул Мертвый. – За Фадеевым стоят поднебесники.

– Но никто не может этого доказать. Даже ты.

Кауфман молча развел руками. Положение об Анклавах жестко запрещало государствам приобретать акции корпораций. Последний связанный с этим запретом скандал случился семь лет назад с «NDC», и с тех пор это правило выполнялось скрупулезно: транснациональные монстры тщательно заботились о своей независимости.

– Никто, кроме китайцев, не дал бы Фадееву такие деньги, – повторил Кауфман. – Индусы играют честно, а штатники Роману не доверяют.

– Я был лучшего мнения о Фадееве, – кивнул Холодов. – Брать деньги у Народной республики – моветон.

– Я что-то не понимаю, – развел руками Геннадий. – Если китайцы собираются ломать «МосТех», зачем им вкладывать миллиарды в покупку его акций?

– Народная республика желает получить разработку Воронежской лаборатории любой ценой, – терпеливо объяснил Кауфман. Старович был человеком цифр, математических схем, он не очень хорошо разбирался в интригах, и Макс привык, что некоторые вещи компаньону приходится объяснять по несколько раз. – Или поднебесники купят «МосТех» через Фадеева, который отдаст им информацию. Или сломают сеть и возьмут разработки сами. Первый вариант ненадежен после старого скандала с покупкой «NDC». СБА уже задает вопросы Фадееву относительно источников его финансирования, но пока Роман отбивается. На втором пути

стою я и все структуры безопасности Анклава Москва. Каждый путь может закончиться неудачей, поэтому поднебесники решили пойти по обоим. Бюджет Народной республики это позволяет.

– Сложно, – буркнул Геннадий. – Неэффективно. Нужно сосредоточиться на результате и просчитать оптимальный путь его достижения.

– Нужно просто сосредоточиться на результате, просчитать, какие дивиденды он принесет, и станет понятно, что экономить по дороге не следует.

– Может, ты и прав, – после некоторого раздумья согласился Старович.

– В общем, кашу мы заварили знатную, – подвел итог Холодов. – Расхлебаем?

– Расхлебаем, – уверенно бросил Мертвый.

– И Чинча не помешает? Мне кажется, твой заместитель слишком лоялен к Цюриху и лично к Моратти.

– Это его работа, – улыбнулся Кауфман. – Эдди Чинча приглядывает за мной.

– Так не помешает?

– Нет.

* * *

Анклава: Москва

Территория: Сити

«Пирамидом», примерно девять утра

Обидно, когда тебе не доверяют полностью, но что делать?

Грег даже успел немного отдохнуть, если трехчасовой гипносон в казарме безов можно назвать отдыхом. Кауфман предупреждал Слоновски, что день у того будет насыщенным, а потому, проснувшись и приведя себя в порядок, Грег сразу же отправился на самую вершину «Пирамидома», в странный, с наклонными стенами и сумрачным светом кабинета директора СБА. Легко миновав приемную – «вечный» секретарь Кауфмана, холодная и неприступная Ядвига Сигизмундовна лишь кивнула Слоновски, – Грег поднялся на уровень вверх, вошел в кабинет и недовольно замер: в кресле Мертвого развалился Мишенька Щеглов. Дознаватель положил ноги на письменный стол и изучал ногти на руках с таким видом, словно именно от этого зависела безопасность всего Анклава.

– А где шеф?

– Где-то шляется. – Мишенька зевнул. – В чем дело?

– Он говорил, что есть серьезная задача на сегодня.

– Если есть задача, значит, ты никуда от нее не денешься.

Хочешь кофе? – Квадратные стекла очков блеснули. – Ты, я смотрю, ухитрился поспать?

– Да так... гипносон.

– Ну, хоть что-то.

Слоновски поджал губы. Он признавал за Мертвым право знать все, видеть человека насквозь, но то, что такой же способностью обладал Щеглов, Грега раздражало. Мишенька, подобно Кауфману, блестяще читал по лицу и глазам, по тембру голоса и тону, каким произнесена фраза. Он читал по мелким деталям больше, чем некоторые могли найти в подробнейшем досье, и по двум-трем жестам мог определить, что человек ел на завтрак и сколько наличных у него в бумажнике. Макс никогда не говорил, что Щеглов – лучший работник московского филиала СБА, не ставил его в пример и не противопоставлял другим безам. Тем не менее Грег знал, что дознаватель имеет полный доступ в компьютер Мертвого, вплоть до права электронной подписи шефа, и во время отлучек Кауфмана именно Мишенька, а не Эдди Чинча, назначенный из Цюриха заместитель директора СБА, оставался «на хозяйстве». Более того, кабинет Чинчи находился тремя уровнями ниже, на этаже второстепенных служб, что лучше всего показывало отношение Кауфмана к навязанному заместителю.

– Так будешь кофе?

– Нет.

– Как хочешь. – Мишенька вернулся к созерцанию ногтей.

– Слушай... – Грег помялся. – Я думал, меня на разбор потащат: мы ведь семь «поплавков» взяли...

Очки вновь блеснули.

– Расследование завершено, – спокойно сообщил дозна-

ватель. – Курьер, к сожалению, мертв. Дело закрыто.

– А Бобры?

– Бобры ни при чем. Они просто пустили парня переночевать.

– И не знали, что у него в контейнере?

– У них был сломан наноскоп.

Странное задание и не менее странное его окончание. Грег покрутил головой:

– А шеф об этом знает?

– Конечно, – махнул рукой Мишенька. – Это дело лишний раз покажет Цюриху, что в Москве блюдут права человека, даже самые идиотские. – Дознаватель улыбнулся. – А то считается, что у нас тут концлагерь какой-то, право слово. Тебе и Марату благодарность по самую макушку, Лауре... ну, ей и так было весело. «Поплавки» – в утилизацию, Бобры – на свободу. Курьер прибыл из Анклава Рио. Сейчас разгребу самые важные дела и отпишу им, чтобы приняли меры по поиску изготовителя. Хочешь посмотреть?

– Не, я лучше пойду, – буркнул Слоновски.

– Как знаешь. – Щеглов опять зевнул.

Грег подошел к дверям, но остановился, обернулся и с улыбкой проворчал:

– Иногда мне кажется, что филиалом командуешь ты, а не шеф.

– Думаешь, мне стоит поговорить с доктором о повышении жалованья?

Россия, Санкт-Петербург

Терминал «Анклав», сильный ветер с залива

Все нервничают

Терминал «Анклав» был не только самым современным из столичных вокзалов, но и самым охраняемым. Правда, за второй пункт следовало отдать должное федеральным властям. Построившие терминал корпорации и пальцем не пошевелили, чтобы защитить его больше, чем того требовала разумная предосторожность: видеокамеры, оптимальное число охранников, поддерживающих порядок, вот, собственно, и все. Трехметровую стену вокруг терминала оплатило правительство, оно же расщедрилось на колючую проволоку сверху, электронную систему слежения и патрульных с собаками. Двое ворот: для пассажиров и транспорта, на обоих – стационарные наноскопы. У каждого проходящего в обязательном порядке сканируется «балалайка», сведения пересылаются в указанный в билете пункт назначения, вход провожающим запрещен.

Анклавы притягивали, манили. На независимых территориях не существовало воинской повинности и подоходного налога, были запрещены политические партии и организации. Всем правительствам планеты приходилось прилагать

массу усилий, чтобы подотчетное население не сбежало под крыло корпораций, и в этом отношении меры, принимаемые в России, были куда либеральнее, чем в том же Китае, закрывающем Анклав Гонконг. Но тем не менее жесткими. Движение курсирующих между Питером и Москвой «*суперсобак*» регламентировалось инструкцией МВД. Первые три километра железнодорожного полотна контролировались не менее тщательно, чем сам терминал, и именно на них пилотам предписывалось выводить поезда на крейсерскую скорость. Затем шла магистраль, на которой убравшие колеса и вставшие на электромагнитную подушку «суперсобаки» останавливались только в случае крайней необходимости или в результате катастрофы. Инструкция звучала весьма жестко, но пилоты, как правило, тянули с набором скорости и выходили из трехкилометровой зоны еще на колесах. И не только потому, что контрабандисты с удовольствием приплачивали железнодорожникам за это маленькое нарушение. Помимо грузов Консорциума на «суперсобаку» прыгали «блохи» — люди, готовые рискнуть, прорваться к полотну под пулями федералов и провисеть полтора часа под брюхом несущегося на бешеной скорости экспресса. Люди, которые по-настоящему хотели в Анклав. Именно ради них пилоты, начиная ускорение, притормаживали за пределами охраняемой зоны, давая возможность «блохам» оседлать вагоны. А поскольку федералы не знали, где именно будет ловить своих паразитов следующая «суперсобака», им приходилось патрулиро-

вать не менее десяти километров эстакады. В свое время было выдвинуто предложение наглухо закрыть не трех-, а двадцатикилометровую зону, но благоразумие и щедрые подношения Консорциума сделали свое дело: идея заглохла. Игра в кошки-мышки продолжалась.

– Пора! – шепнул себе Илья и со всех ног бросился к почти остановившемуся поезду.

Федералов не видно, но это ненадолго: они уже наверняка получили сигнал об остановке «суперсобаки» и мчатся ловить «блох».

– Быстрее! Быстрее!!

В этом месте магистраль еще не ушла на эстакаду, но плотно располагалось довольно высоко, и бегущий человек был прекрасно виден издалека.

Краем глаза Илья заметил попутчиков: серые в предрасветной дымке фигуры не меньше него торопились к обтекаемой громадине, на ходу вынимая «цеплялки» – нехитрое, но гениальное изобретение, позволяющее совершить бесплатное путешествие в Анклав. Было ли это случайностью, или нет, но под каждым стандартным вагоном «суперсобаки» находилась техническая выемка, более-менее надежно экранированная от электромагнитного поля. В углублении могли свободно поместиться два человека. Кто первым придумал использовать их для нелегального пересечения границ Анклава, тоже осталось неизвестным. Конструкция «цеплялок» и подробная инструкция по их изготовлению были за-

пущены в сеть много лет назад, и, несмотря на честное предупреждение об опасности путешествия, у терминала «Анклав» не уменьшалось число желающих попробовать.

– Внимание, «блохи»! Всем остановиться и поднять руки!

Если они говорят, значит, еще далеко и не рискуют стрелять, чтобы не попасть в вагоны. Будь федералы ближе, открыли бы огонь без разговоров: «блохи» все равно не жильцы, в случае поимки их ждет обвинение в государственной измене и десять лет рудников, а оттуда не возвращаются. «Суперсобака» медленно тронулась: пилоты увидели, что федералы на подходе, и принялись разгонять состав.

«Скорее!!»

Под вагон, который заметил для себя Илья, нырнул широкоплечий мужик с аккуратно прилаженным рюкзаком и шикарно изготовленными «цеплялками», скорее всего курьер Консорциума. Илья выплюнул ему вслед короткое ругательство и спешно бросился к соседнему вагону – время уходило, цепляться на скорости было делом крайне затруднительным и опасным.

– Занято! – Висящая в выемке девушка зло посмотрела на парня.

– Ты здесь одна!

– Мне не нужны попутчики!

– Подвинься!

Снаружи грохнуло несколько выстрелов, донесся полный боли крик, слышались ругань и рев двигателей, федералы

были рядом. Это позволило закончить препирательства: может, девушке и претило общество, но гнать Илью под пули она не стала.

– Лезь, придурок!

Девушка помогла молодому человеку правильно расправить «цеплялку» и поддержала, позволив заскочить на уже набравший приличный ход поезд.

– Спасибо!

– Да пошел ты!

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

С некоторыми дружить страшно, но интересно

Сретенка и прилегающие районы издавна считались наиболее цивилизованной частью Болота. Здесь селились «поднявшиеся» – те, кто сумел устроиться в жизни и начал ценить спокойствие. Здесь постоянно встречались патрульные СБА и улицы убирались: местные жители аккуратно платили коммунальным службам Анклава. *Каперы* и верхолазы заглядывали в местные лавки и рестораны не только в поисках приключений, а просто так. То есть в ресторанах можно было безбоязненно питаться, а в некоторых из них принципиально не подавали соевые продукты. В районе Сретенки

располагалось крайне мало сомнительных заведений, и даже гладиаторские бои в цирке шли не чаще раза в месяц. Приличный район для приличных людей.

Олово нравилась эта часть Москвы. Старые улицы, бегущие вниз, к Цветному бульвару, старые здания, старые камни. Они не были ему родными, но стали домом, а Олово ценил понятие «дом», ценил уют и покой. И поскольку по дому не принято бегать, Олово ходил по улицам не спеша, как по комнатам. Невысокий, бритый наголо, одетый в узорчатую рубаху с большим вырезом и широкими рукавами, черные шаровары и мягкие туфли с загнутыми носами, он с одинаковой невозмутимостью шел по людным улицам и пустынным тупичкам, совершенно не обращая внимания на окружающих. Но редкий прохожий не останавливался на нем свой взгляд: Олово, мягко говоря, был большим любителем татуировок. Густая вязь черного узора – переплетение рун и символов – покрывала все его тело, кроме лица. Никаких драконов, никаких новомодных расцветок или нанесения золотом, только черная, не теряющая яркости краска и сложные письмена, череда знаков, смысл которых невозможно отыскать даже в сети. Ведь для людей эти знаки давно умерли. Они не умели их читать, а потому невысокий человек с плавными движениями и черным узором на коже казался им странным, просто странным. Не более.

– Добрый господин, подождите! Остановитесь на минутку!

Олово привык, что его часто окликали на улицах: приличная одежда, спокойное и уверенное поведение – наметанный взгляд уличных торговцев и попрошайек легко выхватывал из толпы солидного человека. Вот только здесь, неподалеку от дома, все давно знали, что приставать к нему не следует. Новенькая? Олово хотел пройти мимо, но остановился, поймав открытый взгляд больших зеленых глаз. Девушка не была попрошайкой.

– Добрый господин, на вас лежит проклятие!

Олово молча переложил авоську с купленными на рынке овощами из руки в руку.

– Честное слово, добрый господин! У вас темная аура! Мы можем прочесть ее и сказать, что надо сделать, чтобы вернуть ей силу и свет. Зайдите к нам! Моя тетя – превосходная гадалка!

Олово молчал. Девушка сбилась, сморщила носик, не понимая, почему этот странный, невысокий мужчина не отвечает, а затем разглядела несколько рун на предплечье Олово. И замерла.

– Добрый господин... Вы...

И тут Олово улыбнулся. Просто улыбнулся, но в больших зеленых глазах мелькнул дикий ужас. Девушка вскрикнула и напуганной мышкой юркнула в ближайшую подворотню. Хрипло рассмеялся Хаким, седой зеленщик, торгующий чуть дальше, добродушно крякнул владеющий кальяной Мустафа, но никто больше не обратил внимания на эту

маленькую сценку.

Олово снова переложил авоську и медленно подошел к на-
весу, в тени которого на кресле сидела полная женщина в
ярком желтом платье и в чудовищной соломенной шляпке,
украшенной пышными розовыми цветами. «Салон Мамаши
Даши. Предсказание будущего и коррекция судьбы».

– Зачем ты испугал Матильду? – добродушно поинтересо-
валась владелица магического заведения. – Девочка первый
день на улице, а тут ты. Она теперь до вечера не покажется.

Олово отрицательно качнул головой.

– Ты ее не пугал?

Еще одно движение головой.

– Ты улыбнулся ей *со значением*, – догадалась Мамаша Да-
ша.

Олово пожал плечами.

– Она-а меня-а... обидела-а.

Олово произнес фразу медленно, не то подбирая, не то
вспоминая нужные слова. К тому же он сильно растягивал
некоторые гласные, и в целом создавалось впечатление, что
говорить Олово научился не так давно. У кого-то подобная
манера могла бы вызвать кривую усмешку, но на Сретенке
самоубийц не водилось, поэтому к особенностям речи неко-
торых уважаемых людей здесь относились с пониманием.

– Матильда не хотела тебя обидеть, она просто не знала,
кто ты. Бедная девочка только сегодня вернулась в Анклав.
Она моя племянница, росла в поселении «Науком» в Калу-

ге, моя сестра работала на тамошнем заводе корпорации, а неделю назад попала под грузовой мобиль. Ты помнишь, я уезжала на неделю? Бизнес, конечно, пострадал, пришлось отказать четверем **ОЧЕНЬ** солидным клиентам, но ведь случилась трагедия! А Матильда! Бедная девочка! Она так тоскует по матери. Но у нее несомненный талант к предсказаниям. Я тебе не рассказывала? Я поняла это, когда Матильде было всего четыре годика.

Мамаша Даша говорила не очень быстро, не сбивалась на скороговорку, но пробиться сквозь поток ее слов не представлялось возможным. Олово тоскливо переминался, спрятавшись под навесом от жарких солнечных лучей.

– Я думаю, надо отдать девочку в Университет, я тебе не рассказывала? Матильда в этом году закончила школу. Господи, я понимаю, ты улыбаешься, ты думаешь: «какие в Калуге школы?» – и ты не прав! Матильда – очень прилежная девочка и очень хорошо училась! Я ходила с ней к господину Зайцеву, директору школы при Университете. Так вот, господину Зайцеву понравился уровень подготовки Матильды, и он сказал, что она может сдать экзамены и учиться. Но сколько это будет стоить денег! Матильда у меня умница, но вряд ли она сможет сдать экзамены на стипендию, придется платить... Правда, «Науком» обещал помочь, ведь моя сестра, пусть земля ей будет пухом, была не уборщицей какой-нибудь, а инженером! И господин Рюкович из корпорации прямо сказал, что до окончания школы Матильде бу-

дут платить пенсию и, может быть, помогут с Университетом. Правда, придется подписать контракт с «Науком», но ведь это лучше, чем болтаться по улице, да? А пока, думаю, пусть девочка поработает. Задатки у нее очень хорошие. А чего ты все молчишь? Ходил на рынок? Почему сегодня свекла? Думаю, борщ сварить...

– Тысяча рублей!

– Два *евродина*?! Кошмар! Куда катится мир? Два евродина за килограмм свеклы! Да это же чистое разорение! Я предсказываю людям будущее, указываю истинный путь, чищу им карму, и то не имею таких доходов, как фермеры. Подумать только: два евродина за кило какой-то там свеклы!!

– Ка-ак бизнес? – уныло поинтересовался Олово.

– А, – скривилась Мамаша. – Было бы о чем говорить! Люди верят компьютерным оракулам, а не линиям, нанесенным на руку самим Провидением. Безумный век! Полный упадок нравственности.

– Мастер говорит, ты хороша-ая га-адалка.

– Мастер слишком добр ко мне, – улыбнулась Даша. – На самом деле мне просто везет больше, чем остальным.

Она бросила внимательный взгляд вдоль улицы. Покинувшая подворотню Матильда стояла возле большого черного мобиля и щебетала о чем-то с сидящими в нем парнями.

– Давненько их не было видно, – проворчала Мамаша.

– Групповушники, – неодобрительно буркнул Олово. – Дурные.

И в подтверждении своих слов кивнул головой.

– Они меня боятся.

– Тебя-я?

Мамаша хитро посмотрела на мужчину:

– Я им сказала, что ты мой двоюродный брат.

Несколько мгновений Олово изумленно таращился на гадалку, после чего запрокинул голову и расхохотался. Даша, с заметной нервозностью ожидавшая реакции на свое заявление, захихикала.

– Ста-арая ведьма-а! – Указательный палец Олово ткнул в гадалку. – Врунья-а!

– А ты бы хотел, чтобы мою единственную племянницу обидели групповушники?

Олово перестал смеяться и неопределенно пожал плечами.

– К тому же тебе и делать ничего не надо, – отрезала Мамаша. – Вряд ли они станут наводить справки.

Олово развел руками, почесал затылок, вновь переложил авоську из руки в руку и сообщил:

– Мне пора-а.

Гадалка проводила Олово взглядом, вздохнула и с улыбкой посмотрела на подошедшую племянницу:

– Не пугайся его, Мата, Олово – друг.

– Но я всего лишь...

– Я знаю, девочка, я знаю, – негромко произнесла Даша. – Ты всего лишь сказала то, что увидела. Но ты обидела его.

– Я сказала правду! – Девушка упрямо насупилась. – На нем лежит проклятие!

– Я знаю, – тихо откликнулась Мамаша.

– Какая попка у этой Матильды, да? – Казбек, развалившись на заднем сиденье открытого мобиля, причмокнул губами. – Кругленькая такая, подтянутая... Сытная девочка.

– Кровь с молоком, – поддакнул Мыра. – А буфера ты заценил? Я всегда на буфера сначала смотрю. Баба без буферов и не баба, считай.

– Слышал, она в Калуге росла? Небось голой в реке купалась. Только представлю, как она в воде нагибается...

Казбек и Мыра недавно прибились к компании и еще не знали многих реалий жизни на Сретенке. Поэтому сидящий за рулем мобиля Солома, лидер тусовки, покосился на приятелей и негромко поинтересовался:

– Вы разве не слышали, что сказала Мамаша Даша?

– А что?.. – начал было Казбек, но его перебил Мыра:

– Солома, тормози!!

Перед широким бампером мобиля непонятно откуда вырос невысокий лысый мужчина с авоськой в руке, и только реакция лидера помогла избежать аварии.

– Во, придурок! – Казбек зло ощерился. – Ну, я ему сейчас...

– Молчи! – Солома резко дернул приятеля за рукав. – Услышит!

– Я не понял...

– Потом объясню.

Парни замолчали. Олово подошел к водительской двери и медленно оглядел компанию. Солома нервно сглотнул:

– Что-то не так?

– Я-а двоюродный бра-ат Мама-аши Да-аши, – поведаль Олово.

– Мы знаем, – очень вежливо и очень осторожно произнес Солома.

– Ма-атильда – моя племя-анница.

– Мы это поняли.

– Хорошо.

Олово подумал и сделал легкий жест рукой. Солома с предельной почтительностью склонил голову и надавил на педаль. Мобиль медленно покатился по улице.

– Что это за крендель? – осведомился Казбек. – В чем проблема?

– Боюсь, что о попке Матильды тебе придется забыть, – вздохнул Солома. – Хорошо еще, что он не слышал твои разглагольствования.

– Да кто это?

– И что у него за тату? – встрял Мыра. – Дикие какие-то, страшненькие.

У самого Мыры на плече переливалась золотая голограмма, на которую ушло содержимое трех украденных бумажников, и парню казалось глупостью украшать себя как-то иначе.

– Что у него за тату, я понятия не имею, – сквозь зубы ответил Солома. – Зато знаю другое: кто наш район держит, помните?

– Косой, – тут же ответил Казбек.

– А знаешь, во сколько Косой ходит на рынок за данью?

– Примерно в одиннадцать. А что?

– А то, что в десять часов дядя Матильды идет на рынок за покупками. И Косой старается с ним не встречаться. Теперь все понятно?

Казбек и Мыра одновременно обернулись, надеясь разглядеть в толпе невысокую фигурку с авоськой в руках. На таких людей не грех посмотреть дважды.

– А почему его до сих пор не грохнули?

– Потому что все грохальщики уже на том свете.

– Да кто он такой, блин? – проворчал Казбек.

– Олово, – пожал плечами Солома. – Слуга Кирилла Грязнова.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Болото

«Шельман, Шельман и Грязнов. Колониальные товары и антиквариат»

Охотник на тигров не откажется от куропатки

Среди приличных зданий благополучной Сретенки дом, который занимала компания «Шельман, Шельман и Грязнов», выделялся ухоженным внешним видом. Было видно, что хозяева не просто заботятся о своей обители, а любят ее, любят ее. И даже отреставрированный с помощью современных материалов, особняк все равно сохранил причудливый и таинственный аромат старой Москвы, почти выветрившийся из Анклава. А может, сыграло свою роль то, что владельцы крайне осторожно, только там, где обойтись было никак нельзя, использовали новомодные решения, иногда – в ущерб здравому смыслу. Все оконные стекла, например, были самыми обычными, такими, как и сто и двести лет назад. На Болоте это считалось смелым ходом, но, судя по всему, «Шельман, Шельман и Грязнов» была уверена в себе на сто процентов.

Несмотря на то, что компания занималась торговлей, витрина как таковая отсутствовала, и только у дубовой двери красовалась аккуратная бронзовая табличка: «Колониальные товары и антиквариат». А рядом с табличкой не кнопка звонка или интеркома, а бронзовый же колокольчик, навевающий мысли о добром девятнадцатом веке. Хотя... кто в наши дни помнит ту славную эпоху? И посетители, бывало, по несколько минут растерянно стояли у запертой двери, не понимая, как подать сигнал хозяевам. Другой век, другие порядки, но владельцы компании отказывались менять что-либо, разумно полагая, что, кто захочет, тот сумеет, а все

остальные могут идти дальше.

Внутреннее убранство особняка было выдержано в том же старинном стиле. Большой холл, в котором нашлось место деревянной вешалке, калошнице и стойке для зонтиков, широкая лестница, ведущая на второй этаж, и несколько дверей, через одну из которых посетитель попадал в большой зал. Хотя именно в этом помещении «Шельман, Шельман и Грязнов» демонстрировала свои товары, язык не поворачивался назвать его торговым залом: продуманно расставленные предметы искусства скорее наводили на мысль о сокровищнице коллекционера, о музее, нежели об антикварной лавке. Старинные вазы и изысканные статуэтки, картины в резных рамах и золотые каминные часы, трости и кресла. На каждом выставленном в зале предмете лежал отпечаток времени, и о каждом владельца могли рассказать интересную и неповторимую историю. Ведь именно это продают антиквары: историю и время, а отнюдь не дорогостоящие побрякушки, как мыслится уважаемой публике...

– Да, уважаемый Абу-Саид, – задумчиво произнес Кирилл Грязнов, рассеянно перебирая четки черного жемчуга. – Несмотря на то, что человечество накопило колоссальный объем знаний, гигантские массивы информации, большая их часть лежит мертвым грузом. Нас интересует «сегодня», немножко «завтра», и никто не хочет знать, что было «вчера». Людям некогда думать о подобных пустяках. Они отказывают предкам в мудрости, не ищут аналогий, и фаль-

шивая почтительность – максимум, на что мы способны. Раритеты, которые я предлагаю, едва ли не единственная нить, связывающая современность с прошлым. Оценить их величие дано не каждому, и именно поэтому наша компания тщательно выбирает клиентов. Мы не продаем историю первым встречным. Только избранным.

– Я наслышан о ваших принципах, – тонко улыбнулся араб. – Многие большие люди рассказывают, что именно знакомство с вами позволило им по-новому взглянуть на мир.

Взгляд Абу-Саида был прикован к четкам Кирилла, а точнее, к брелочку, выполненному в виде головы дракона. Весьма реалистичному брелочку. Казалось, что бронзовые зубы вот-вот сомкнутся, а рубиновые глаза засияют живым светом.

– Коллекционирование предметов старины – весьма достойное и необходимое занятие для человека с положением, – мягко продолжил Грязнов. – Чтобы по-настоящему постичь «сейчас», добиться всего, чего желаешь, необходимо обладать мудростью веков. Путь, который предлагаю я, – не главный, скорее вспомогательный, но сам факт наличия такого хобби говорит о человеке очень много.

– Это как клуб, в который надо вступить, – сорвалось с языка молодого араба.

Честолюбивого и горячего араба, желающего стать «человеком с положением».

– Разумеется, – согласился антиквар.

Кирилл был мало похож на торговца. Лет тридцати пяти

– сорока, он был довольно высок, не менее метра восьмидесяти пяти, широк в кости и производил впечатление толстяка... ошибочное, впрочем, впечатление: лишнего жира у Грязнова не было ни грамма, вот только понять это с первого взгляда не представлялось возможным. Лицо Кирилл имел простоватое, округлое, с большим носом и большими мягкими губами, что также наводило на мысль о добродушном обжоре. Дополняли картину большие серые глаза, внимательные и спокойные. И если мать-природа постаралась сделать внешний вид Грязнова мягким, то сам он приложил массу усилий, дабы дополнить его интересными штрихами. Очень светлые, почти белые волосы Кирилл стриг коротким ежиком, но при этом на затылке красовалась пятнадцатисантиметровая косичка, в которую была туго вплетена черная веревочка. В левом ухе Грязнов носил золотую сережку, густо испещренную мельчайшей вязью. Но самое главное – руки. Тыльные стороны ладоней Кирилла покрывали черные символические круги, в центре которых были изображены крупные руны, по одной на каждый круг. Подобный антураж добавлял Грязнову загадочности, мистической таинственности, и покупатели, впервые посетившие антикварную лавку, сразу же подпадали под его действие.

– Главное – не ошибиться в выборе хобби, – продолжил Кирилл. – Очень немногие люди могут себе позволить собирать все подряд, но в среде настоящих коллекционеров к подобным собирателям относятся не очень хорошо.

– Это не мой случай, – улыбнулся Абу-Саид. – Я, конечно, не нищий, но вряд ли смогу вложить в хобби миллионы. По крайней мере сейчас.

– Понимаю, – приятно улыбнулся Грязнов. – Давайте подумаем, какое направление будет вам наиболее близко... – Он задумчиво оглядел зал. – Влечет ли вас шоу-бизнес?

– Что вы имеете в виду?

– Есть очень интересный вариант: коллекционирование афиш. – И, перехватив недоуменный взгляд араба, пояснил: – В старые времена информацию о концерте или каком-либо ином мероприятии печатали на бумаге и расклеивали на улицах. Частенько подобные плакаты отличались оригинальностью и высоким художественным исполнением.

– Как этот? – Абу-Саид брезгливо кивнул на развернутую Кириллом афишу: длинноносый испитой юнец в спадающих черных очках с вороватым видом тащит куда-то лампу дневного света.

– Есть и получше, – смутился Грязнов, скручивая плакат в трубочку. – Подобное хобби скажет о вас как о человеке культурном и тонком ценителе прекрасного. Многие современные творцы обращаются к искусству прошлого, черпая в нем вдохновение. – Антиквар почесал бровь. – Если желаете приобрести хорошее хобби, которое продемонстрирует обществу ваше положение и поможет познакомиться с нужными людьми, то рекомендую фалеристику. Она снова входит в моду.

– Собирать марки?

– Ордена, – поправил араба Кирилл. – Наградные знаки, медали. Смею вас уверить – занятие прелюбопытнейшее.

– Разумеется, у вас есть коллекция.

– «Шельман, Шельман и Грязнов» располагают прекрасной подборкой наградных знаков самых разных эпох. На каждый предмет выдается гарантийное письмо. Каждый обладает уникальным номером и зарегистрирован в каталоге. У нас есть даже фалеры римских легионеров.

– Неужели?

По лицу Абу-Саида было понятно, что слова «фалера» и «римский» не говорят ему ни о чем.

– Я вижу, вас заинтересовало мое предложение. – Грязнов с широкой улыбкой раскрыл изящную коробочку: – Знак ордена Подвязки. Девятнадцатый век.

– А этот рыцарь?..

– Святой Георгий, – любезно объяснил Кирилл.

– Религиозный герой, – поморщился араб. – Боюсь, мне не подойдет это хобби.

– Понимаю... – вздохнул антиквар. – К сожалению, на большинстве старых европейских орденов изображены христианские святые. Хотя... можно сосредоточиться на наградах Советской России двадцатого века. Вас не смущают пентаграммы?

– Ни в коем случае.

– Тогда обратите внимание на этот великолепный экзем-

пляр: почетное оружие времен Гражданской войны, шашка, к эфесу которой прикреплен орден Красного Знамени. Необычайный раритет.

Абу-Саид с явным удовольствием взялся за оружие и картинно провел шашкой перед собой. Задатки фехтовальщика у него отсутствовали.

– Хорошая балансировка, – с важным видом сообщил араб.

Кирилл имел свое мнение относительно боевых свойств этой не самой лучшей в мире шашки, но он оставил его при себе.

– Вот орден Трудового Красного Знамени, его вручали тем, кто хорошо работал. Неплохая подборка наград времен Второй мировой войны: орден Красной Звезды, орден Суворова, медаль «За отвагу». И тут же награды других стран: рыцарский крест с дубовыми листьями, американская медаль...

– Все это интересно.

– Как я уже говорил, фалеристика вновь в моде, с таким хобби перед вами откроются многие двери в Москве.

– А кто еще коллекционирует ордена? Или это секрет?

– Ни в коем случае. – Кирилл прищурился. – Фалеристы... Господин Сикх, официальный представитель Индии в Анклаве Москва, господин Базаревич, директор филиала корпорации «Боинг», господин Ван Майер, руководитель программного департамента филиала корпорации «Ев-

роспейс». Это так, навскидку, я перечислил далеко не всех.

– И все они являются подлинными ценителями?

– Только Сикх, – тонко улыбнулся Кирилл. – Что касается остальных... Повторю в третий раз: фалеристика снова в моде.

– Вы сможете составить для меня начальную коллекцию?

– С удовольствием. На чем вы решили сосредоточиться?

– Пожалуй, для начала ограничимся Второй мировой войной. Награды и той и другой стороны. Как скоро вы сможете все подготовить?

– Завтра утром я предоставляю ориентировочный список предметов коллекции, направления ее развития и примерную стоимость услуг. – Грязнов помолчал. – Кофе?

– С удовольствием.

Араб важно опустился в роскошное кресло и с удовольствием втянул ноздрями запах только что сваренного кофе. Невысокий слуга быстро расставил на столике приборы и с поклоном подал Абу-Саиду чашку.

– Может, немного вина? – предложил Кирилл.

– Я не пью, – с достоинством ответил араб. – Импорт вин из стран Исламского союза – это дань традициям и экономический расчет. Правоверным не к лицу употребление этой гадости.

– Нравы в Анклавах куда свободнее, чем в Эль-Париже.

– Это ничего не значит, – строго ответил Абу-Саид.

– Безусловно, – склонил голову Грязнов. – Признаться,

меня восхищает царящая в Исламском Союзе строгость нравов. Это показатель крепости государства.

– Не везде, – поморщился араб. – В Британском халифате разрешено пиво, чего не было и никогда не будет на континенте.

– Мне приходилось бывать в Ланданабаде, – кивнул Кирилл. – Не знаю, пиво тому виной или нет, но этот городок не идет ни в какое сравнение с Эль-Парижем.

Антиквар решил, что пришло время сказать гостю что-нибудь приятное, и это ему удалось – Абу-Саид расцвел в улыбке:

– Эль-Париж не зря называют европейской жемчужиной.

– Совершенно согласен.

Араб сделал маленький глоток кофе.

– Я слышал, ваша компания имеет филиалы по всему миру?

– В каждом Анклаве, если быть точным.

– Вы не работаете в государствах?

– Увы.

– Почему? Многие антикварные фирмы имеют офисы в Эль-Париже. Конечно, где-нибудь в Индии или у заокеанских варваров лучше не открывать магазины, но в странах Европейского Исламского Союза ценят изысканные вещи, и вы сможете найти массу богатых клиентов.

– К сожалению, такова политика фирмы, – развел руками Кирилл. – Анклавы предоставляют куда большую свобо-

ду скромным предпринимателям.

– Скромным? Вы себя недооцениваете. Насколько я знаю, «Шельман, Шельман и Грязнов» пользуется большим авторитетом во всем мире.

– Я рад, что наши усилия не пропали даром.

Абу-Саид поставил опустевшую чашку на столик и чуть подался вперед:

– А вы и есть тот самый Грязнов?

– Тем самым был мой дедушка, – любезно ответил Кирилл. – Я всего лишь продолжаю дело.

– Я полагал, что владельцы столь преуспевающей фирмы не работают в магазине.

– Каждый из нас работает в каком-то любимом магазине, это не мешает решать другие вопросы. В конце концов, мы антиквары, а не руководители корпораций, мы маленькие люди.

– Добившиеся прекрасных результатов.

Грязнов склонил голову.

– Мне было бы очень приятно иметь такого человека в качестве друга, – прозрачно намекнул араб. – Корпорации не доверяют правительствам, но мы весьма заинтересованы в том, чтобы иметь в Анклавах как можно больше настоящих друзей.

Выражение лица Кирилла не изменилось, осталось доброжелательным, и только очень и очень внимательный наблюдатель смог бы подметить скуку, промелькнувшую в его гла-

зах.

– Ну почему, почему каждый присланный в Анклав юнец пытается меня завербовать? – Грязнов вздохнул и посмотрел на убирающего приборы Олово. – У них что, одинаковые путеводители?

Слуга пожал плечами, но от работы не отвлекся.

– Абу-Саид два дня как прибыл из Эль-Парижа.

Олово молча кивнул.

– Он француз.

– Я догада-ался, мастер.

«Мастер» было единственным словом, которое слуга проносил четко, не растягивая гласные. Кирилл постепенно становился серьезным.

– Абу-Саид будет работать в представительстве Исламского Союза при Анклаве. Что-то вроде атташе по химической промышленности. Молодой, дерзкий, работает на военную разведку и мечтает выслужиться. У него одна жена, но он сказал, что в ближайшие полгода опять сыграет свадьбу. Очень правильный юноша.

Олово не стал спорить.

– Сам по себе Абу-Саид неинтересен, но он происходит из хорошей семьи с глубокими корнями в Гаскони. Его дядя занимает высокий пост в Союзе, а по материнской линии Абу-Саид имеет родственников среди аравийских шейхов. Так что, возможно, француз не так плох, как кажется на пер-

вый взгляд.

Во время речи слуга успел унести приборы и вернулся с бокалом вина для хозяина.

– Что у нас сегодня? – Грязнов с наслаждением принялся: – «Хванчкара»? Олово, ты молодец, сейчас мне нужно именно оно! – Антиквар сделал глоток. – Согласись: ту-рецкие вина великолепны!

Слуга неопределенно качнул головой: алкоголь Олово не употреблял ни в каком виде. Кирилл сделал еще один глоток, выбрался из кресла и прошелся по залу.

– Пусть Таратута поможет Абу-Саиду хорошо провести время в Анклаве, познакомит с нужными людьми, проведет по нужным местам... ну, как обычно. Недели через две пусть вербует: лишний человек в посольстве нам не помешает.

Олово кивнул. Окончательно посерьезневший Грязнов поставил бокал на резной столик и поинтересовался:

– Поднебесники еще не собирали граверов?

Слуга отрицательно качнул головой.

– Но соберут обязательно, – продолжил Кирилл, перебирая черные жемчужины. Дракон недовольно вертелся, словно стараясь цапнуть антиквара за палец. – Не забудь появиться на вечеринке.

– Обяза-ательно, мастер, – кивнул Олово.

Анклав: Москва (приближается)

Борт дирижабля «Марко Поло»

Разумный человек умеет совмещать приятное с полезным

Тао обожал путешествовать на цеппелинах. Неспешные, огромные, медленно плывущие меж облаков гиганты приводили полковника в состояние детского восторга. Он наслаждался каждым мгновением, проведенным на борту дирижабля, вот только плотный график одного из высших офицеров китайской военной разведки практически исключал использование столь медленного транспорта. Как правило, Тао перемещался на «суперсобаках» или, если легенда позволяла, на реактивных самолетах, именно «перемещался» — полковник отказывался называть скоростные поездки путешествиями. Но при малейшей возможности пересаживался на цеппелины. Поездка в Москву такую возможность предоставила. Прибыв из Пекина в Гонконг, Тао сменил документы, превратившись в инспектора по кадрам Народной нефтяной компании, и «по служебной необходимости» вылетел на самолете в Анклав Франкфурт. И опять стал другим человеком: в каюте первого класса роскошного пассажирского дирижабля «Марко Поло» в Москву направлялся совла-

делец небольшой, но процветающей фирмы, зарегистрированной в Анклаве Эдинбург. Целью поездки, разумеется, являлось «установление партнерских отношений с Анклавом Москва». А впрочем, кто будет интересоваться целью поездки пассажира первого класса?

С другой стороны, полет на цеппелине имел немаловажное преимущество: безмятежное путешествие располагает к размышлениям, и Тао имел прекрасную возможность еще раз продумать, просчитать, проработать все нюансы предстоящей операции. Сложнейшей акции, тщательно разработанной под личным руководством генерала Ляо. Масштаб операции впечатлял. Успех мероприятия гарантировал полковнику блестящие карьерные перспективы. Неудача... А вот о неудачном исходе Тао даже не задумывался. Все продумано, все подготовлено, все рассчитано до мелочей, все шаги контролируются, и любая нештатная ситуация будет преодолена. В распоряжении полковника имелись все ресурсы, которые могла предложить Народная республика: безлимитное финансирование, полная поддержка московской Триады, специальная боевая группа, составленная из лучших оперативников военной разведки, неограниченные права при проведении операции. Другими словами, ядерный удар по Анклаву был единственным, чего не мог требовать полковник. Тао понимал, что просто так такие полномочия и такую власть не предоставляют, спрашивать с него тоже будут по самому большому счету, и был готов к игре.

И только одна маленькая деталь немного смущала полковника – внезапная смерть Шэнхуна. Гибель заместителя, вертолет которого взорвался над океаном неподалеку от Сингапура, слишком уж совпала по времени с началом операции. Разумеется, Тао приказал провести самое тщательное расследование, убедился, что с несчастным майором расплатились террористы из «Бригад Восточных Тигров», требующих отделения от Народной республики Индонезии и Малайзии, но, как говорится, осадок остался. Смерть Шэнхуна заставила полковника в очередной раз перепроверить все детали операции и в очередной раз убедиться, что предусмотрено решительно все. Срыв невозможен.

И именно поэтому, наблюдая с панорамной площадки приближающийся Анклав, Тао был абсолютно спокоен. Напрочь забыв о делах, он любовался длиннющим «Дядей Степой», знаменитой «Тройкой» и, конечно же, великолепным «Подсолнухом». Маршрут цеппелинов был специально проложен таким образом, чтобы гости Анклава смогли оценить всю его прелесть с высоты птичьего полета, удивиться снующим на небывалой высоте мобилиям: московские эстакады поднимались даже выше токийских – и улыбнуться застрявшим между небоскребами облакам. Сити уже лежал под ногами Тао, а ключи от него полковник собирался добыть в ближайшее время.

Глава 2

Репутация человека нарабатывается годами, разумные люди старательно выстраивают ее, прекрасно понимая, что имя дает вес, положение в обществе, авторитет. Репутация складывается из громких поступков и случайных мелочей, из продуманных шагов и неожиданных срывов, репутация – портрет, на который ориентируются окружающие. Ведь это так просто: не узнавать человека, не тратить время на общение с ним, а просто послушать, что говорят о нем другие. Узнать о его репутации. Разумеется, портрет в каждом случае будет свой: кто-то видит в человеке друга и готов прощать ему любые поступки, находя объяснение и подлостям и жестокостям. Враги наоборот: описывают каждый его шаг с отрицательной стороны, находя корыстные мотивы даже в благотворительных акциях. И лишь немногие способны смотреть на людей ровно: так, как они того заслуживают. Для этих, последних, слово «репутация» не значит ничего, они рассматривают не прошлое, а настоящее, холодно оценивая поступки строго в контексте реальной ситуации. Они способны сложить из частного цельную картину, проникнуть в самую суть, разобраться и сделать единственно правильный вывод. Таких людей меньшинство. Для всех остальных ты не более чем совокупность дел и высказываний, газетных заметок и мнений окружающих. Не человек, а репутация. И в ка-

кой-то момент она начинает диктовать правила поведения. В какой-то момент ты уже не в силах поступать так, как желаешь, а вынужден делать то, что должен. Совершать поступки, которые от тебя ждут, поддерживать свою репутацию.

Очень немногие позволяют себе пренебрегать ею.

Доктор Максимилиан Кауфман, директор московского филиала СБА, славился тем, что никогда не прощал своих врагов. Хорошо это или плохо – вопрос другой, но за те двадцать лет, что он охранял Анклав, Мертвый сумел донести до всего мира простую мысль: тому, кто покусится на Москву, пощады не будет. Дознаватели Кауфмана с маниакальным упорством изучали все детали вражеских атак, вынюхивали самые слабые следы, самые тонкие связи, находили всех, кто был причастен к операции против Анклава, и жестоко наказывали. Не важно, сколько времени прошло после атаки: доктор был злопамятен. Непосредственных исполнителей старались взять живыми, чтобы подвергнуть безжалостным пыткам, вычислялись и истреблялись заказчики, не забывались и мелкие сошки: всех, кто так или иначе помогал врагам Кауфмана, ожидало возмездие. На первых порах прямолинейность Макса лишь ухудшила ситуацию, две террористические организации объявили награду за его голову, в течение года в Сити прогремели пять взрывов, унесших жизни семи сотен людей, а лучшие ломщики выстраивались в очередь, чтобы наказать «тупого солдафона». Общественность выражала крайнее недовольство, боссы кор-

поражий морщились, в Цюрихе подбирали новую кандидатуру на пост директора, а Мертвый продолжал упрямо гнуть свою линию: если мои действия вызывают агрессивную реакцию, значит, я был недостаточно тверд. Обе группировки, осмелившиеся на опереточные шаги, были ликвидированы в течение полутора лет, преданные лично Кауфману головорезы из Отдела прямых переговоров путешествовали по всему миру, вычисляя и уничтожая его врагов. Набравшись опыта московские машинисты научились работать против самых лучших ломщиков, пресекая попытки проникновения в сеть на самых ранних стадиях. Взрывы прекратились – общественность успокоилась, ломщики присмирели – корпорации вздохнули с облегчением. В Москве стало безопасно, и благодарить за это следовало ругаемого всеми Мертвого. Разумеется, настолько далеко великодушные верхолазов и общественности не распространялось – благодарить доктора Кауфмана никто не собирался. Его продолжали считать недалеким солдафоном, слишком просто воспринявшим приказ «обеспечить безопасность», в некоторых информационных каналах над ним даже посмеивались, но все сходились во мнении, что пост директора следует пока оставить за ним. И никто не обратил внимания на то, что все попытки действовать по рецептам Мертвого неизменно проваливались. Никто не подумал, что для победы над врагами требуется гораздо больше ума, хитрости и воли, чем для переговоров с ними. Никто не знал, что большую часть ста-

тей, в которых едко высмеивались ограниченные способности туповатого директора СБА, Максимилиан Кауфман редактировал лично. Мертвый хорошо знал людей.

Но была одна история, которая никак не вязалась со светлым образом прямого, как гвоздь, служаки, всегда идущего по следу до конца. Был один человек, ломщик под ником Чайка, который атаковал Анклав Москва и остался в живых. А если быть более точным – Кауфман оставил его в живых. В той операции Чайка не играл главной роли, он был всего лишь одним из трех помощников знаменитого Каскада. Обычный промышленный шпионаж – ломщики пытались слить секретные разработки «Хруничева» по заказу Омарского эмирата – закончился кровавой баней. Каскада взяли живым и долго «интервьюировали» в подвалах «Пирамидома», двух его помощников безы настигли в течение дня и расстреляли прямо на улицах «как оказавших сопротивление», а вот Чайке удалось вырваться. Он бежал, петлял, заметал следы, он забился в самый дальний уголок Анклава Рио и два дня не выходил из надежной норы. Но голод выгнал Чайку из убежища, заставил выйти на улицу, чтобы там, у вонючей забегаловки, торгующей соевым супом, понять, что безы рядом. Чайка навсегда запомнил липкий страх, сиропом расползшийся по телу. Ноги отказались идти, руки повисли плетями, а в голове крутилась всего одна мысль: «Конец!» Он не просто чувствовал – ЗНАЛ, что они рядом. Чайка сел прямо на тротуар и горько заплакал, ожидая выстрела

в голову. Плакал, не замечая удивленных взглядов, изредка бросаемых в его сторону из безучастной толпы прохожих, плакал, прощаясь с жизнью.

А потом ощущение ужаса пропало. Не ушло со слезами, не закончилось вместе с истерикой, а просто исчезло, прекратив поток слез и заставив прийти в себя. Чайка понял, что безы ушли. Почему? Что побудило Мертвого оставить его в живых? Он задавал себе этот вопрос тысячи раз, но так и не смог придумать внятный ответ. Он пытался забыть ту историю, но рано или поздно вспоминал Каскада – и все начиналось заново. Мертвый. Проклятый Мертвый! Почему он принял такое решение? Почему поступился принципами?

Иногда Чайка просыпался среди ночи.

Он едва не сошел с ума. Шесть месяцев на успокоительных в тщетных попытках понять, почему остался в живых. Полгода в полубезумном состоянии. Чайка с трудом спас свою голову, а его ненависть к Кауфману усилилась многократно. И что бы ни стояло за неожиданным поступком директора московского филиала СБА, Чайка был полон решимости заставить Мертвого пожалеть о проявленной слабости.

* * *

Анклав: Москва

Территория: Шанхайчик

Запретный Сад, Жаркий полдень

Никто не любит получать плохие новости

Как и было предписано из Пекина, господин Пу, глава московской Триады, организовал встречу Тао без лишней помпы. В *Шарике* полковника ожидал шофер и черный «Опель-Менеджер», мобиль дорогой, но далеко не самый лучший из представительских. Этот выбор полностью соответствовал легенде Тао: с одной стороны, пассажир первого класса «Марко Поло» не мог пересест на какой-нибудь «Фольксваген», с другой, полковник не относился к верхолазам, и за ним вряд ли бы прислали автомобиль. Группа телохранителей, которую предусмотрительный Пу отправил в Шарик, держалась в стороне.

– Рады приветствовать вас в Анклаве Москва. – Шофер произнес фразу на безукоризненном кантонском диалекте, почтительно склонился и распахнул дверцу мобиля. – Надеюсь, путешествие было приятным?

Тао молча кивнул.

– Господин Пу ожидает вас в своей резиденции.

И опять полковник не счел нужным отвечать. Дождавшись, когда шофер закроет дверцу, Тао с наслаждением вытащил из разъема чужую «балалайку», вставил свою и едва слышно вздохнул: в нижнем углу напыленного на глаза наноэкрана появилось сообщение о получении сорока девяти посланий. Путешествие под чужим именем закончилось, пора

браться за дела. Полковник сфокусировал взгляд на мерцающей в правом верхнем углу звездочке, активизировав тем самым спрятанные в подушечке указательного пальца сенсоры, дождался появления курсора и, небрежно водя пальцем по подлокотнику сиденья, принялся просматривать почту.

Тао не в первый раз приезжал в Москву, а потому совершенно не интересовался окрестностями. Да и что там могло быть интересного? Выбравшись из традиционных затопов Шарика, «Опель» сразу же поднялся на третий, самый быстрый уровень МКАД и помчался на юг. Поездка должна была занять – и заняла! – двадцать четыре минуты. Китайские кварталы располагались на окраине Москвы, а потому, съехав с кольцевой, «Опель» сразу же оказался на Каширка-цзе, центральной улице Шанхайчика. Но приятные лица соотечественников и знакомый гомон не привлекли внимания полковника, он продолжал прослушивать и просматривать сообщения и вышел из почты, только когда мобиль остановился у пропускного пункта в Запретный Сад – закрытую территорию Шанхайчика, вход в которую позволялся лишь избранным. Изящные ворота, украшенные драконами, были открыты: полковника ждали, но шофер все равно притормозил, чтобы охранники смогли заглянуть в салон. И только затем очень медленно повел мобиль по аккуратным дорожкам Сада. Сердце китайских кварталов располагалось в парковой зоне, на его территории находились пруды, по деревьям прыгали белки, и Тао опустил стекло, с удовольстви-

ем сменив кондиционированный воздух на мягкую прохладу Запретного Сада. Изящные беседки на берегу, невысокая пагода, кумирня, джонки на воде... милый кусочек Поднебесной в варварской стране. «Опель» остановился у небольшого павильона, слуга распахнул дверцу, и полковник с должной неспешностью вышел навстречу господину Пу.

– Есть новости?

Нехорошо поднимать серьезные вопросы на первой же чайной церемонии, но Тао сразу дал понять главе Триады, что в первую очередь его интересует дело. Господин Пу все понял правильно и, даже если и был разочарован неделикатным поведением гостя, никак не проявил это внешне.

– Новости только плохие, дорогой друг. Увы, только плохие.

Полковник удивленно поднял брови:

– Операция еще не началась, а у нас появились проблемы?

– К моему глубокому сожалению, не все в этом мире идет так, как мы этого хотим. И даже хорошо разработанные планы иногда дают сбой.

Многоречивость господина Пу начинала действовать на нервы.

– Что случилось? – коротко поинтересовался Тао.

– Сегодня ночью безы Мертвого перехватили курьера с «поплавками», – просто ответил глава Триады.

Полковник блестяще владел собой, а потому не поперх-

нулся чаем. Но в его черных глазах мелькнуло бешенство.

– Как это произошло?

– Курьер находился в последней точке маршрута, должен был направиться в Шанхайчик и попал в облаву. Безы искили пропавшую жену верхолаза, прочесывали территорию и наткнулись на наши «поплавки». Роковая случайность.

Минуту Тао молчал, и в комнате висела угрюмая, напряженная тишина. Больше всего на свете полковнику хотелось взять изящное фарфоровое блюдо и нехитрым, но эффективным движением убить господина Пу. Тонкие фарфоровые блюда можно использовать для разных целей... Но бешенство отступило, и к Тао вернулась прежняя рассудительность: глава Триады ни в чем не виноват, он лишь принес плохую вестъ. Ошибка была допущена раньше, когда принималось решение о транспортировке «поплавков» по этому каналу.

– Вы понимаете, что произошло? – тихо спросил Тао.

– Да, – очень серьезно ответил Пу. – Я все понимаю.

Без мощных и скоростных процессоров атака ломщиков была обречена. Только с помощью «поплавков» можно прорвать защиту внутренней сети и выйти к массивам информации. Проблема заключалась в том, что корпорации жестко ограничивали распространение процессоров, и доставить их в Анклав считалось сложнейшим делом. Тао выбрал самый надежный, как ему казалось, путь: обратился к Консорциуму. Но даже у лучших контрабандистов мира, оказывается,

случались накладки. Дублирующей партии не предусматривалось, и полковник впервые подумал, что тщательно продуманная операция может закончиться провалом.

Что означает перехват процессоров? Досадная оплошность или противник что-то разнюхал и начал свою игру? Гибель Шэнхуна, проблемы с контрабандистами... совпадения или нас ждут? Требовалось время, чтобы обдумать ситуацию, но его-то как раз и не было: «поплавки» не соевый суп, их на улице не купишь, а Чайка ждать не может, действия ломщика рассчитаны едва ли не по секундам.

– Вы уверены, что захват «поплавков» произошел случайно?

– Я не могу быть уверен, – с достоинством произнес господин Пу. – Я рассказываю то, что знаю. О происшедшем стало известно три часа назад: курьер не подал условный сигнал. Мы подключили нашего осведомителя в СБА, который сообщил, что ночью летучая группа безов, разыскивающая потерявшуюся на Болоте Лауру Бельмах, накрыла контрабандистов с «поплавками». Курьер погиб.

Тон господина Пу показывал, что глава Триады КРАЙНЕ удивлен поведением гостя. Тао понял, что переборщил: с такими людьми не следует обращаться, как с подчиненными. Да, Триада зависит от военной разведки, но существовали нормы общения, которых необходимо придерживаться.

– Прошу извинить мою резкость, – вздохнул полковник. – Я несколько выбит из колеи.

– Я все понимаю, дорогой друг, – важно кивнул Пу. – Ситуация действительно неудачная.

– Вы уже связались с местным менеджером Консорциума?

– Его зовут Всадник, – сообщил господин Пу. – Мы направили письмо, но ответа пока не получили. В Консорциуме принимают весьма серьезные меры безопасности, послание может идти довольно долго.

– Дни?

– Часы.

Тао сжал кулаки и процедил:

– Мне нужны «поплавки».

– Я знаю, – сдержанно отозвался Пу. – И как раз с этим связана еще одна неприятная новость, которую я должен вам сообщить.

Как же хорошо было парить на «Марко Поло» и, попивая коктейль, рассматривать лежащий под ногами Анклав.

– Чем вы еще хотите меня огорчить?

– Сегодня ночью был совершен дерзкий рейд в Шанхайчик. Мы потеряли лучшего гравера и... и электролабу, способную производить «поплавки». Единственную подобную электролабу.

И опять молчание. Не меньше минуты Тао, не мигая, смотрел на золотого Будду, безмятежно улыбающегося в углу, после чего ОЧЕНЬ спокойным голосом поинтересовался:

– И после этого вы уверяете меня, что нападение на курьера с «поплавками» было случайностью?

*Анклав: Москва (приближается)
Скоростная магистраль, дно вагона
Впереди неизвестность*

Девушка оказалась невысокой, худенькой и очень ловкой. Вещей у нее было совсем чуть-чуть, места в углублении она занимала немного, а потому Илье удалось разместиться достаточно комфортно. Учитывая обстоятельства, разумеется. Молодой человек боялся, что недовольная появлением попутчика девушка проигнорирует его и путь придется совершать в молчании, но уже через двадцать минут она протянула ладошку и крикнула:

– Майя!

– Илья! – обрадованно ответил молодой человек.

– Какого черта ты забыл в Анклаве, пацан?

– Спасаясь!

– От армии?

– Нет!

– От милицейских? В Анклаве не любят уголовников! Там своих бандитов хватает!

– Меня распределили в «химию»! – прокричал Илья.

– Бедолага!

Государственный унитарный концерн молекулярных раз-

работок и современных биотехнологий, в просторечии «химия», со дня своего основания пытался создавать новые препараты для федеральной армии. На деле его работа сводилась к приобретению самых дешевых лицензий у «Фарма-1» и других независимых корпораций, которые затем федеральная пропаганда называла отечественными открытиями. При этом прижимистые молекулярные разработчики постоянно искали способы не платить Анклавам деньги, и вся страна была убеждена, что корпорации превратили фабрики унитарного концерна в полигоны, на которых обкатывались новые препараты. Работать на «химии» никто не хотел, и специалистов туда рекрутировали через военных комиссаров.

– А что, родственники не смогли собрать деньги для военкомата?

– Я сирота. Рос в детдоме.

– Не повезло!

Таким прямая дорога в «химию». Теперь Майя смотрела на попутчика другими глазами. Худощавый, узкоплечий, немного нескладный, с длинными руками и ногами, бедно одетый, он был похож на побитую собаку, на жалкого щенка. Но ведь он нашел в себе силы побежать сквозь милицеские кордоны! Не побоялся попасть под пули. Не побоялся броситься под вагон с самодельными «цеплялками», которые едва держали вес худенького тела.

– Есть хочешь?

– Не отказался бы, – несмело улыбнулся Илья.

– Держи! – Девушка протянула ему вскрытую упаковку галет. – Вода есть?

– Угу.

Илья жадно набросился на сухой хлеб, и его большие уши комично задвигались, сделав молодого человека похожим на жующую мышку.

– А на что рассчитываешь в Анклаве?

– В смысле?

– Если ничего не умеешь, то тебе прямая дорога на стол конструкторов, а это хуже «химии».

– Думаю прибиться к машинистам, – серьезно ответил Илья.

– Ух! – Такого ответа Майя явно не ожидала. – Ты шутишь?

– Нет!

Молодой человек сумел ее удивить.

– С чего ты взял, что сможешь прибиться к машинистам?

– Я учился математике у Марка Танаевского.

– Ты учился у Танаевского?!

– Правда, всего два года, – вздохнул Илья.

Он произнес эту фразу не очень громко, но теперь девушка ловила каждое слово попутчика и сумела расслышать ее даже сквозь шум «суперсобаки».

– После того, как федеральное правительство запретило Марку Яковлевичу подписывать контракт с корпорациями, он был вынужден преподавать в обычной школе. Мне повез-

ло.

Да уж, так бывает всегда: кому-то везет, а у кого-то ломается судьба. Танаевский был гением математики, крупнейшим ученым, работавшим в федеральном ядерном центре. Его труды по теории современного программирования вызвали пристальный интерес в Анклавах и сделали его одним из официально признанных гуру машинистов. Двенадцать лет назад Танаевский решил принять предложение «МегаСофт» и перебраться в Анклав Эдинбург, однако правительство воспротивилось переходу: ведь ученый работал над «закрытыми» военными проектами! И никто не собирался признавать, что атомные разработки того же «МосТех» опережают государственные лет на тридцать... В результате длительной борьбы и шумихи в прессе великий ум отправился преподавать математику в рядовую школу и до конца жизни находился под наблюдением федеральных агентов. Марк Танаевский умер семь месяцев назад, и эту дату машинисты провозгласили Днем траура.

– С такой рекомендацией тебя по крайней мере выслушают, – кивнула Майя. – А если ты действительно что-то собой представляешь, то можешь рассчитывать на поддержку.

– Я так и думал, – обрадовался Илья. – Но если честно, сначала я хочу продолжить образование. Марк Яковлевич говорил, что мне надо учиться.

– Пойдешь в Университет?

– Да.

– Знаешь, – после паузы произнесла Майя. – Я рада, что не прогнала тебя. Ты правильный пацан, Илья.

Молодой человек покраснел, отвел глаза и смутился еще больше:

– Майя, извини, я, кажется, съел все твои галеты.

– Плевать на галеты! – Девушка поудобнее разместилась на «цеплялках». – Расскажи мне о Танаевском.

* * *

Где-то на орбите

Станция «Яблоко»

В предвкушении приключения

Давно забыты времена, когда вокруг нашего глобуса крутилась лишь старушка Луна, кокетливо скрывающая от старшей сестренки плохо стриженный затылок. Хотя давно ли? Чего стоят полторы сотни лет в космических масштабах? Даже несерьезно. Зато для людей годы, прошедшие с запуска первого искусственного спутника, вместили не одну эпоху. Рушились империи, перекраивались границы, постаревшие нации уступали место молодым, заключались невозможные ранее союзы и разрывались самые тесные связи. Большой Нефтяной Голод и последовавшие за ним войны больно ударили по исследовательской космонавтике. Правительства интересовали ее прикладные аспекты: спутники-шпионы,

спутники связи, спутники-ракетоносцы и вакуумные истребители. Правительства торопились, жили сегодняшним днем и долго не обращали внимания на то, что изучение космоса переходит в руки корпораций. А когда опомнились, было поздно. Боевые спутники ржавели на орбите, а по соседству с ними «Евроспейс», «Боинг» и «Хруничев» строили гигантские станции, оснащенные лабораториями и производствами. Благодаря серьезным изысканиям и грамотному использованию отброшенного правительствами научного потенциала корпорации сумели превратить вечно убыточный космос в прибыльное предприятие. Промышленное производство сверхчистых материалов и невозможные в земных условиях биологические эксперименты, химия и фармакология, медицина и энергетика – в Анклавах не было корпорации, которая не пользовалась бы услугами космических гигантов. А те, крепко встав на ноги, влезли в святая святых государственных космических интересов – в связь. Сначала корпорации работали на страны третьего мира, но постепенно, по мере того, как увеличивался качественный разрыв между возможностями НАСА и того же «Хруничева», крупнейшие мировые державы были вынуждены обращаться к Анклавам. За лицензиями, за технической поддержкой... Корпорации чинили старые боевые спутники, обеспечивали военным связь и продолжали развиваться, открывая все новые и новые направления бизнеса.

Эпоха массового космического туризма началась десять

лет назад, когда в «Евроспейсе» посчитали, что пристроенная к основному корпусу «Яблока» гостиница окупится в течение трех-пяти лет. С тех пор бизнес развивался лавинообразно. Появились шикарный «Star Bridge» от «Боинг» и демократичный «Gagarin Sol» «Хруничева», французская кухня и экскурсии в открытый космос, уникальные майки «Я смотрел на Землю сверху!» и снижение цен на перевозки. К туристическим станциям добавлялись все новые блоки, в моду входили двухдневные туры «Обед с видом на Солнце», а кое-кто поговаривал, что пора бы просчитать возможность обзорной экскурсии вокруг Луны... Большой бизнес запустил маленького человека в космос, и экстремальные развлечения стали логичным продолжением экспансии. Просто взлетать и приземляться уже приелось, хотелось более острых ощущений.

– Волнуешься? – Джим ободряюще посмотрел на Петру.

– Нет... – Девушка проверила застежку комбинезона, поняла, что делает это в четвертый раз, и улыбнулась: – Волнуюсь, конечно.

– Все будет нормально.

– Я знаю.

– Покрутимся на орбите – и в Шарик. Адреналин я тебе обещаю.

– Отлично!

Нервозность постепенно оставляла Петру, уступая место

азарту предстоящего приключения. Спейс-слалом! Увлекательный полет к Земле на двухместном шаттле! И не просто полет, в ходе которого она, как мешок с балластом, будет сидеть в кресле и пялиться на приближающуюся планету. Нет! Такое приключение Петру не вдохновляло. Она потратила три месяца на тренировки, прошла специальный курс в «Евроспейс», сдала требуемые тесты и теперь имела полное право на кратковременное управление челноком! Именно так! Только ради этого девушка отправилась на орбиту. Ну и пусть ей разрешено пилотировать шаттл только за пределами атмосферы и под пристальным контролем инструктора, зато именно она, Петра Кронцл, будет вести космический самолет, управлять огромной машиной и лететь на ней через миллионы километров пустого пространства! Здесь все серьезно, без дураков, страховки нет, и твоя жизнь в твоих руках. Это возбуждало.

Петра покосилась на двух телохранителей, следовавших за ней повсюду и теперь парящих у входа в отсек. Даже в непривычной невесомости эти ребята ухитрились выглядеть внушительно и грозно, не спускали глаз с девушки и постоянно напоминали, что о ее безопасности заботится крупнейшая служба в мире. С самого рождения Петру защищали и прикрывали, оберегали от любых неприятностей и тем самым привили любовь к безрассудным поступкам. Девушка была готова на все, чтобы хоть на мгновение вырваться из-под опеки, почувствовать себя свободной.

– Ребята! – Петра помахала рукой. – Вы свободны!

Один из телохранителей кивнул, но с места они не сдвинулись: будут ждать, пока девушка не покинет станцию, и только после вернутся на Землю обычным пассажирским шаттлом. А Петру встретят их коллеги и снова создадут вокруг нее плотное кольцо безопасности.

– Пора!

Шлюз распахнулся. Джим первым вплыл в кабину шаттла, уверенно ухватился за поручни, опустился в кресло и пристегнулся ремнями. Петра продемонстрировала чуть меньшую ловкость, но ее аккуратные движения были куда точнее, чем обычное трепыхание богатых пассажиров. «Спортивная девчонка!» Джим улыбнулся, вспомнив прошедшую ночь, но тут же отогнал приятные мысли, полностью сосредоточившись на предстоящем деле. Разумеется, «Евроспейс» постаралась сделать широко разрекламированное и модное развлечение максимально безопасным, но тем не менее это был сложный полет, требующий предельной концентрации и точных действий пилота. Космос есть космос, и если массовый турист не думает о его опасности, то профессионал ведет себя иначе.

– Объявляю готовность к старту. Начать полную проверку систем. – Джим подключился к шаттлу через «балалайку», но пока управлял компьютером голосом, предоставляя Петре возможность привыкнуть к обстановке.

– Полная проверка систем начата. Требуемое время: пять-

десять девять секунд.

– Борт 88, вас понял, – немедленно отозвался диспетчер. – Готовность к старту будет подтверждена через пятьдесят девять секунд.

– Компьютер шаттла проводит диагностику всех систем и посылает отчеты в компьютер станции, – объяснил Джим Петре. – Стандартная процедура.

– Я знаю, – откликнулась девушка.

Закрывшийся шлюз отрезал челнок от «Яблока». Телохранители скрылись из виду, но вместо свободы Петра вдруг почувствовала одиночество. Пустые пространства еще не появились, экраны бортового компьютера рисовали таблицы и графики, в лобовом иллюминаторе наблюдалась задняя стена казино «Пересчитай звезды!», и легкая неуверенность вновь потянула к девушке свои щупальца. «Встряхнись!» – Петра дотянулась до психопривода и сумела, пусть и не с первого раза, загнать его в разъем «балалайки», затем произнесла код доступа. Джим, увидев, что девушка подключилась к управлению, улыбнулся.

– Полная проверка систем завершена. Сбоев в работе не обнаружено.

– Подтверждаю завершение полной проверки систем, – произнес Джим.

– Подтверждаю завершение полной проверки систем, – повторил диспетчер. – Готовность к старту подтверждена. Разрешение на отстыковку получено. Борт 88?

– Борт 88 к старту готов.

– Начинаю обратный отсчет. Девять, восемь...

Петра сжала кулачки и посмотрела на проплывающую внизу Землю.

– ...один! Поехали!

Шаттл медленно оторвался от стыковочного модуля и провалился в пустоту.

– Богатые самодуры, – пробормотал диспетчер, наблюдая удаляющийся шаттл на мониторе. – Проклятые верхолазы!

Еще не старый, но уже в годах мужчина, он с юных лет был увлечен космосом, бредил полетами к Венере и грезил звездами. Теперь же, провожая в экстремальные полеты развлекающихся богатеев, он испытывал чувство, близкое к бешенству. Для них космические полеты стали забавой, способом убить время и на недельку-другую превратиться в героя светских салонов. Разве способны эти зажавшиеся ублюдки оценить величие бесконечного пространства? Почувствовать невероятную свободу космоса?

«Хозяева жизни. Скоты!»

Они растоптали его мечту. Запачкали ее грязью. Украли единственное светлое, что было в его душе.

Диспетчер машинально провел обычные процедуры: переставил слежение в автоматический режим, послал подтверждающие рапорты на мостик «Яблока» и в Шарик, отчет в Службу шаттлов... И одновременно отправил через «бала-

лайку» давно заготовленную красивую открытку с прекрасной алой розой: «Дорогая, я очень соскучился, с нетерпением жду окончания смены...»

Тот, кто прочитает это невинное послание, сумеет понять правильно: шаттл только что покинул «Яблоко».

* * *

За свои тридцать шесть с хвостиком лет Грегуар Слоновски успел повидать и пережить очень много, столько, что иным хватило бы на пару-тройку жизней. И, прямо скажем, не самых удачных жизней. Били Грега со всех сторон, били со вкусом, безжалостно, и только дикое упрямство, железная воля, ум и сила помогли ему не спиться, не подсесть на «синдин» и не оказаться на каторге. Это сейчас Слоновски имел вес и положение в обществе, прочное настоящее и надежное будущее, должность старшего офицера Отдела прямых переговоров московского филиала СБА (командира личной гвардии Кауфмана, если называть вещи своими именами), семью и отличный дом в безопасном районе Анклава.

А начиналось все совсем не радужно.

За каким чертом родителей Грега понесло в Иркутск? Перспектива карьерного роста? Да, Слоновски-старший мечтал войти в число топ-менеджеров корпорации. Хорошие деньги? И это сыграло свою роль: сотрудникам периферийных филиалов, тем более таких беспокойных, как си-

бирские, «Всемирная Рудная компания» платила огромные суммы. Но разве стоили эти расчеты кошмара Второго Восточного Кризиса? Разумеется, предсказать его наступление было невозможно, то обострение случилось слишком внезапно, и покидавшее тихий Анклав Франкфурт семейство и представить себе не могло, что через каких-нибудь семь месяцев окажется в эпицентре боевых действий между Россией и Народной республикой, и их благополучная жизнь будет разрушена. Мать Грегуара не пережила первого штурма поднебесников, сгорела в доме, щедро залитом напалстером – полуорганическим соединением, запрещенным еще в эпоху Нефтяных войн. Впрочем, китайцы всегда воевали так, как считали нужным, и мало кто осмеливался указывать им на неджентльменское поведение. Безы сделали все, чтобы вывезти оставшихся в живых каперов из Иркутска. Грегу до сих пор иногда снится тот самоубийственный рейд к аэропорту, прорыв колонны сквозь обезумевших жителей, ничего не понимающих федеральных военных и отчаянный бой с передовыми частями поднебесников. Тогда погибли почти все безы, но четыре самолета с гражданами Анклава все-таки вылетели в Москву. Слоновски-старший умер в полете – он бежал по взлетному полю с сыном на руках и у самого трапа поймал пулю в спину. Их втащили в салон, но сделать ничего не смогли: в обычном пассажирском самолете медицинский бокс не предусмотрен. Грег плакал, размазывая по лицу кровь отца, а остальные истерично хохотали, и веря и не

веря в счастливое спасение. Как выяснилось впоследствии, им следовало бы присоединиться к Грегу. Китайцы не ограничились нападением, по федеральным войскам, расположенным в окрестностях Иркутска были нанесены локальные ядерные удары, а в атмосфере распылен реактал – последнее достижение поднебесных биологов. Народная республика очень хотела победить. Второй Восточный Кризис, как все помнят, привел к оккупации русского Дальнего Востока и появлению Ядерного Креста, служившего с тех пор границей между Россией и Поднебесной. Но это на государственном уровне. А для маленького Слоновски визит в Иркутск закончился огромным количеством мусора в генетической карте.

Во Франкфурт Грег так и не вернулся: «Всемирная Рудная компания» попросту отказалась от «грязного» ребенка. Слоновски определили в московский приют и врезали в «балалайку» красный восклицательный знак – не символ мутанта, конечно, но последний перед этим клеймом уровень чистоты организма. Грега не стерилизовали, в Анклаве Москва не одобряли подобных мер, но ни одна разумная женщина отныне не согласилась бы иметь от Слоновски ребенка. Детей красного восклицательного знака даже не проверяли, они по умолчанию считались уродами и могли заинтересовать разве что «Фарму 1», не гнушающуюся опытами над людьми.

Маленький Грег сполна хлебнул все прелести положения отверженного, лишь колоссальная физическая сила помогла ему выжить в приюте, но ведь только кулаками не про-

ложишь дорогу в будущее. Слоновски учился как одержимый, прилежно посещал все занятия, надеялся, что следящие за школами корпорации оценят его успехи, предложат поступить в Университет и, чем черт не шутит, найдут ему место хотя бы в дальних филиалах, где уровень чистоты не был столь важен, как в Анклаве, но все оказалось напрасным. Блестяще сдавший выпускные экзамены Грег не получил ни одного приглашения, проклятый восклицательный знак закрыл ему все дороги. Общество не желало признавать Слоновски своим, и через пару дней после окончания школы Грег прибил к «викингам», мощной уличной банде, обосновавшейся на восточной окраине Болота. И в шестнадцать лет впервые убил человека. Китайца, разумеется. В принципе Слоновски ненавидел всех, но к поднебесникам испытывал особую «любовь», быстро снискав себе славу грозы китайских кварталов. Не по годам развитый физически, достаточно умный и хитрый, Грег легко поднимался по иерархической лестнице «викингов», заработав репутацию отморозка. Ему казалось, что он нашел свое место в жизни. Слоновски не понимал, что его не уважают, а боятся. А еще он считал, что среди отверженных наличие восклицательного знака не играет какой-либо роли. Грег был почти счастлив... до тех пор, пока дешевая проститутка не обозвала его «мутантом». Слоновски жестоко избил глупую женщину, но реакция окружающих его неприятно поразила: никто не понял, почему он это сделал. Даже на дне Болота четко соблюдалось

разделение на «грязных» и «чистых». В тот день Грег впервые в жизни укололся «синдином» и, не помня себя, устроил стрельбу в китайском ресторане на Таганке. Возмущенная Триада, незадолго до этого заключившая договор с «викингами», потребовала объяснений, и лидеры банды поняли, что пора избавляться от отморозка. Что оказалось не таким уж простым делом. Слоновски сумел отбиться от посланных убийц, перерезал горло одному из главных «викингов» и забаррикадировался в его квартире. В ходе штурма бывшие друзья потеряли еще троих, но сумели прострелить Грегу плечо, вторая атака должна была стать последней, но тут Слоновски повезло: в ситуацию вмешалась СБА. «Викинги» при появлении безов благоразумно разбежались, а Грега, потерявшего от потери крови сознание, доставили в «Пирамидом», где ему повезло вторично: им заинтересовался Мертвый. Судьба, решив, что достаточно проверила Слоновски на крепость, стала подбрасывать ему подарки.

По существующей в Анклавах практике офицерами СБА становились с детства. Всевидящая служба внимательно изучала школьные досье, тщательно анализировала достоинства подростков, их склонности, успехи, предпочтения, отбирала наиболее подходящих кандидатов и делала серьезное предложение. К родителям ребенка приходили сдержанные люди и предлагали подписать контракт. Отказывались немногие, жизнь в Анклавах трудна, добиться успехов в корпорациях сложно, а СБА никогда не отказывалась от своих со-

трудников, поднимая их если не на вершину, то на вполне приличный уровень благосостояния. В расписании ребенка появлялись дополнительные предметы, его привлекали к серьезным занятиям спортом, учили стрелять и драться, управлять любым видом транспорта, развивали память, внимательность, ставили модернизированные «балалайки». После школы следовала череда жестких тестов, прошедшие шли на специальный факультет Университета, окончив который, сразу же получали офицерское звание и распределение в структуры СБА.

Большей частью нужных навыков Грег уже владел, поэтому Кауфман сразу же отправил его на третий курс, строго приказав проработать предметы первых двух лет самостоятельно и сдать их экстерном. Слоновски с заданием справился, он прекрасно понял, что получил уникальный шанс, и вцепился в него зубами. Год бессонных ночей, бдений в библиотеках, безжалостных экзаменов – и Грег догнал сокурсников. Кауфману это понравилось, а потому подарки, приготовленные судьбой, не закончились. Мертвый прекрасно понимал, как можно навсегда привязать к себе человека, на что пойдет подчиненный, которому помогли осуществить заветную мечту. Убедившись, что Слоновски пашет, как вол, Кауфман сделал Грегу царский подарок: генетическую чистку. Бешено дорогой и секретный цикл по уникальной технологии Мутабор. Как Мертвый сумел договориться с *храмовниками*, Грег не представлял: те иногда отказывали даже вер-

холазам, способным заплатить целое состояние. Но Мертвый договорился, и Слоновски лег под нож. Чудес психи из Мутабор не обещали, но снижение количества мусора до уровня «почти нормальный человек» гарантировали. Весь следующий год Грег поделил между лабораториями Мутабор и Университетом и к концу четвертого курса навсегда избавился от красного восклицательного знака. Начиная с этого момента, у Мертвого не было более преданной собаки, чем Слоновски. Кауфман это понимал, и Грег это понимал. И обоих это устраивало.

После окончания Университета Слоновски, единственный из всего выпуска, отправился в Отдел прямых переговоров, в группу, пользующуюся наибольшим доверием Мертвого и выполняющую любые его приказы. ЛЮБЫЕ. Даже те, за исполнение которых офицеру СБА полагалась смертная казнь. Но Грегу было плевать: он принял правила игры. Его сыну исполнилось шесть, дочери – два, а жена ждала третьего ребенка. И у всех детей были образцовые генетические карты: Мутабор сдержал слово. Слоновски было ради кого жить, и он понимал, что все это стало возможным только благодаря Мертвому.

Вот почему Грег, получив от Кауфмана очередной приказ, лишь коротко кивнул, несколько минут молча обдумывал детали, после чего внес в предложенный план несколько поправок. Макс не стал спорить со своим лучшим оперативником, и Слоновски отправился на задание. Совещание

прошло быстро, спокойно и по-деловому, так, словно Грегу каждый день приказывали похитить Петру Кронцл, внучку и единственную наследницу Романа Фадеева, владельца корпорации «Фадеев Групп».

* * *

Анклав: Москва

Скоростная магистраль

Путешественники испытывают некоторую робость

Власти Анклава старались соблюдать приличия и хотя бы внешне демонстрировать государствам, что борются с контрабандой и нелегальной эмиграцией. На транспортных узлах всех пассажиров «суперсобак» ожидала процедура проверки, на которой в обязательном порядке присутствовали федеральные агенты, и в случае проблем с документами нарушители высылались обратно. Правила были суровы и выполнялись безукоризненно: в присутствии федералов договариваться с бегами было бесполезно. А вот в их отсутствие – запросто, ибо законы Анклава отличались редким либерализмом. В разумных пределах, разумеется. На своих территориях корпорации исповедовали свободу: свободу личности, свободу передвижения, свободу предпринимательства. Отсутствие каких бы то ни было пошлин или государственных структур делало бессмысленным само понятие «кон-

трабанда». Ввозить в Анклавы можно было все, что угодно, въезжать разрешено кому угодно, и единственное, за чем присматривали безы, чтобы эти самые «кто угодно» и «что угодно» не представляли угрозы.

В отличие от Питера в Москве экспрессы всегда притормаживали в одном и том же месте, сразу же, как только съезжали с эстакады магистрали и оказывались на территории Анклава. Знающие правила «блохи» покидали дружелюбное пузо «суперсобаки» и разбредались по своим делам, а освободившийся от деликатного груза поезд продолжал путь, довозя законопослушных пассажиров до Шарика.

– Приехали! – Майя лихо отстегнула «цеплялку» и спрыгнула вниз. – Сбылась твоя мечта, пацан.

– Здорово!

Менее расторопный Илья провозился чуть дольше девушки, неловко выбрался из-под вагона и ошарашенно замер: неподалеку, не обращая никакого внимания на «блох», безмятежно покуривали двое мужчин в серых форменных рубашках и черных брюках. Короткие стрижки, серебряные нашивки, «дыроделы» в расстегнутых кобурах...

– Милицейские? – судорожно выдохнул Илья.

– Безы, – поправила его Майя, – в Анклав без проверки никого не пускают. – И, перехватив затравленный взгляд молодого человека, рассмеялась: – Не волнуйся, это не федералы. Если тебя нет в базе СБА и ты не везешь «синдин» или «поплавки», то бояться нечего.

– Я ничего не везу.

– Вот и не дергайся.

Контрабандист, которого Илья заприметил в Питере, подошел к безам одним из первых, как старый знакомый. Он негромко произнес несколько фраз – видимо, пошутил, потому что охранники громко расхохотались, – ловко сунул в руку одного из них маленький конверт, постоял возле полевого наноскопа и побрел к ожидающему его мобиле. Остальные «блохи» действовали примерно так же.

– Они тоже берут взятки? – с убитым видом поинтересовался Илья. – У нас к милиционерскому без тысячи рублей даже подойти нельзя. Я думал, в Анклаве все по-другому.

– В Анклаве по-другому, – пожала плечами Майя. – Безы пропустили бы контрабандиста и без денег, но Консорциум специально предусматривает эти расходы, чтобы никому не было обидно.

– И владельцы магазинов предусматривают такие расходы?

– И владельцы магазинов, – холодно кивнула девушка. – И владельцы ресторанов, и владельцы гостиниц. Но не всех. В Анклаве есть районы, в которых платят другим людям именно для того, чтобы на территории не было безов. В остальных платят безам. Мало кому хочется, чтобы на улицах творился беспредел.

Очередь к охранникам шла быстро, но «блех» оказалось много, и у Майи было время поговорить. Она сняла вязаную

шапочку, плотную куртку и убрала их в рюкзак. Волосы у девушки оказались светлыми и короткими, а фигурка худощавая, подтянутая, мальчишеская фигурка.

– Пойми, Илья, СБА создана в интересах корпораций. Изначально ведь верхолазы вообще не собирались заниматься социальными проблемами, решив, что объявления свободы будет достаточно, чтобы люди самостоятельно регулировали жизнь в городе. В Токио так и произошло: безы контролируют только корпоративные зоны, а всем остальным заправляет якудза. А вот на западе после Марсельского бунта задумались и решили расширить полномочия СБА. Но и свободу никто не отменял, поэтому безы работают только там, где их просят.

– И им надо платить?

– А как иначе?

– Тогда чем жизнь в Анклаве отличается от жизни в Питере?

– Тем, что ты можешь не платить и тебя не станут защищать. – Майя улыбнулась. – Все очень просто, ты сам выбираешь, что тебе по душе.

– Но если меня станут грабить, безы помогут?

– Если окажутся рядом – обязательно, – подчеркнула девушка. – Но в районах, которые контролирует СБА, уличные грабежи – большая редкость.

Илья помолчал:

– Ты говорила, «синдин» и «поплавки» в Анклав везти

нельзя...

– И еще кое-что.

– Но ведь везут?

– Не на «суперсобаках».

– А если безу предложить много денег? Отвернется? Не заметит «поплавок»?

– Вряд ли, – подумав, ответила Майя. – У безов при исполнении «балалайки» на постоянной прямой связи с машинным центром СБА. Все происходящее записывается.

– Тотальный контроль.

– Ага.

Тем временем очередь рассосалась.

– Кто такие?

– Беглецы, – коротко ответила девушка. – Стали «блохами», чтобы с милицейскими не встречаться.

– Только с милицейскими? – уточнил более толстый без. – С СБА проблем не было?

– Не хотела бы встречаться с вами, на «суперсобаку» не прыгнула бы, – буркнула Майя. – Не в первый раз.

– Посмотрим.

Без ухмыльнулся, ручным сканером просветил «балалайку» девушки, пару мгновений помолчал, ожидая, когда в его чип придет ответ из базы данных СБА, после чего кивнул:

– Все в порядке, красавица, твои проблемы с милицейскими нас не волнуют. Что в рюкзаке?

– «Раллер».

– Покажи.

Девушка беспрекословно открыла рюкзак и протянула безу небольшую черную сумку с компьютером. Теперь Илья понял, почему Майе пришлось ехать «блохой»: на территории Федерации пользоваться «раллерами» было категорически запрещено. Семь лет рудников.

– Твой?

– Угу.

– На кого работала в Питере?

– На того, кто заплатил.

– Боже, какая конспирация! – Безы рассмеялись и перевели взгляды на Илью: – А ты что за гусь?

– Бежит от «химии», – ответила за молодого человека Майя. – Он гражданин Федерации.

– И зачем бежит?

– Я буду учиться в Университете! – не выдержал Илья.

Толстый без прочел «балалайку» беглеца и вздохнул:

– Тебе запрещено покидать зону прописки без разрешения милицейских. А прописан ты в Питере, и разрешения я не вижу...

– Вы думаете, я этого не знаю? – огрызнулся молодой человек.

– Ну-ну... – Без дружелюбно улыбнулся: – Тогда запомни, пацан, в Анклаве федералы имеют власть только на территории Федеральный Центр, попадешься, будешь выкручиваться сам. Но если поступишь в Университет, все изменится.

– Я знаю, – кивнул Илья и чуть тише добавил: – На это и рассчитываю.

– Рассчитывай, рассчитывай, а пока иди под наноскоп. И ты, красавица, тоже.

– Да нет у нас ничего.

– Вот и проверим.

– А почему контрабандисты честно становились в очередь? – поинтересовался Илья. Безы погрузили наноскоп в черный мобиль и уехали, а молодой человек и Майя медленно брели к домам. – Почему никто не ушел?

– Уйти? Они что, того? С приветом? – Девушка покрутила пальцем у виска. – Вдоль трассы установлены видеокамеры со встроенными сканерами. Нас прочитали, еще когда мы сидели под вагонами, и, если бы сбежали, нашли.

– И что бы сделали?

– В зависимости от ситуации. – Майя помолчала. – Могут и пристрелить.

– Как найдут? – не отставал Илья. – Ты ведь сама говорила, что безы контролируют не весь Анклав.

– Не будут они искать, – поморщилась девушка. – Прижмут контрабандистов, например, запретят «суперсобакам» останавливаться в Питере в течение месяца. Сообщат, из-за кого введены санкции, и через день-два Консорциум пришлет твою голову в «Пирамидом».

– Что за «Пирамидом»?

– Штаб-квартира СБА.

Илья замолчал, но было видно, что вопросов у молодого человека масса и ему не терпится узнать на них ответы. Майя прекрасно это поняла, а потому улыбнулась:

– Ну, спрашивай, спрашивай.

– А что у тебя за проблема с милицейскими?

– Мне нельзя въезжать в Федерацию. На мне приговор – четыре года рудников.

– Ух, ты! – У Ильи вспыхнули глаза. – За что?

– Старая история, – махнула рукой Майя. – Помогла нескольким «блохам» с «балалайками».

– Так ты ломщик?!

– А ты думал, «раллеры» выдают в воскресной школе?

– Ломщик... – В глазах Ильи было столько мальчишеского восхищения, что девушка почувствовала себя неловко. – А в Анклаве «раллеры» разрешены?

– Конечно, ведь ими пользуются почти все толковые машинисты. Вот если бы стояли «поплавки», у меня бы возникли проблемы с безами.

Молодой человек прищурился и, внимательно глядя в глаза Майи, спросил:

– И сколько их там должно быть?

– Кого?

– «Поплавков».

– А ты схватываешь на лету, – медленно протянула девушка. – Догадался?

– Сколько?

– Шесть.

– Ни черта себе! Даже один «поплавок» может разогнать комп...

– С одним «поплавком» можно ломать разве что порносайты, – отрезала Майя. – А моя штучка предназначена для серьезной работы.

Илья снова помолчал.

– Безы поняли, что в твой «раллер» можно вставить «поплавки»?

– Конечно. Наноскоп читает все возможные связи.

– Тогда почему тебя пропустили?

– Потому что «поплавок» нет, потому что они прочитали мою «балалайку» и думают, что знают обо мне все.

– А это не так?

Девушка остановилась. За разговорами они не заметили, как добрались до оживленной улицы.

– Знаешь, Илья, ты мне понравился. Не пропадай, ладно. Встретимся как-нибудь.

– Где я могу найти тебя?

– В «Подпрограмме». Меня там все знают, спросишь Майку Переплетчицу.

– Переплетчицу?

– Я частенько попадаю в переплет.

Девушка улыбнулась и направилась к станции метро. Илья задумчиво смотрел ей вслед.

*Россия, Особый Федеральный Округ Московия
Пятьдесят километров к западу от Анклава
Хочется быстрее покинуть чужую территорию*

– Ну и чего они медлят? – Шамиль угрюмо посмотрел на безоблачное небо. – Два часа уже летают!

– Три с половиной, – равнодушно поправил подчиненного Звиад.

– Блин, давно пора приземляться.

– Хороший спейс-слалом длится до пяти часов, – с прежним спокойствием откликнулся Звиад. – Так что расслабься, Шамиль, скоро прилетят.

– Прилетят? Сюда?

– В истории еще не было случая, чтобы шаттл не возвращался на Землю, – поучительно произнес Зузинидзе.

– А засекут нас здесь? Что тогда?

– Кто засечет?

– Ну... федералы.

– Не говори ерунду. – Звиад вздохнул и отвернулся.

Федералы, ха! Федералы у трасс пасутся, грузовые мобили досматривают, границу стерегут, чтобы никто лишний в Анклав не сунулся, зарабатывают, в общем, себе на жизнь как могут. По безлюдным районам Округа федералы не бе-

гают, здесь взятки брать не с кого. Шамиль знал об этом не хуже самого Звиада, а дергался, потому что бизнес, под которым подписалась кантора Звиада Зузинидзе, был сложным и опасным. Но и выгодным, черт его дери, безумно выгодным. Таким выгодным, что, взвесив все «за» и «против», Звиад решил рискнуть. От подобных предложений грех отказываться. Кантор в Москве много, заказчик других исполнителей легко найдет, и кусай потом локти, глядя, как конкуренты поднимаются выше тебя.

«Не поднимутся! – Звиад сплюнул. – Всех придавлю!» Уже то, что заказчики из Ассоциации обратились именно к нему, показывало, что кантора Зузинидзе имеет вес и замечена серьезными людьми. А если с умом использовать прибыль, то можно выйти на очень высокий уровень. Москву подмять, а там, глядишь, и к другим Анклавам потянуться. Ассоциация с кем попало не работает, она перспективу видит...

Всемирная ассоциация поставщиков биоресурсов была создана по образу и подобию знаменитого Консорциума. Некоторые даже говорили, что хозяин у организаций один, но жестокие войны, которые изредка вспыхивали между структурами, доказывали, что это не так. По сути, и Консорциум и Ассоциация состояли только из менеджеров, разработчиков проектов, организаторов, планирующих операции, подбирающих исполнителей и следящих, чтобы все проходило точно по плану. Именно поэтому ключевые фигуры

Консорциума и Ассоциации никогда не попадались полицейским или СБА. Но если Консорциум занимался исключительно контрабандой, то деятельность Ассоциации была грязнее. Под мировым оборотом биоресурсов подразумевались нелегальная иммиграция и торговля органами, поставки рабов в центры развлечений и на кокаиновые плантации, похищения ради выкупа. Менеджеры Ассоциации давно подбирались к Петре Кронцл, единственной наследнице сказочно богатого Романа Фадеева. Подбирались и отступали – специалисты СБА не зря ели свой хлеб, но страсть девушки к экстремальным видам спорта позволила поставщикам биоресурсов разработать рискованный, но вполне осуществимый план, важная роль в котором отводилась канторщикам Зузинидзе.

– Ребята, не спать! – Шамиль, поняв, что боссу не понравилось его поведение, решил продемонстрировать служебное рвение. – Отставить карты!

Звиад хотел было крикнуть помощнику, чтобы не накачивал бойцов, но передумал: пусть суетится, время действительно подходит.

Группа состояла из пятнадцати человек, включая самого Зузинидзе. Пятеро в форме безов, еще пятеро в приметных комбинезонах техников Шарика, остальные в черных спортивных костюмах из кевлайкры, ее даже ножом не сразу прорежешь. Через границу Анклава Звиада и его людей провели родственники, служившие в Федеральной пограничной

службе, с которыми у Зузинидзе давно был налажен прибыльный бизнес. Линию слежения СБА канторщики прошли, сменив «балалайки» и прикинувшись возвращавшимися домой фермерами, затем переоделись, вооружились, пересели в приготовленные внедорожные мобили и отправились в лес ждать шаттл.

– Вы на месте?

Зазвучавший в коммуникаторе голос ломщика был спокоен и деловит, но Зузинидзе все равно вздрогнул от неожиданности: подключенные к сети через «балалайку» быстро отвыкают от громоздких коммуникаторов.

– Вы на месте?

– Да! – опомнился Звиад. – Мы готовы.

– Все идет по плану, – сухо проинформировал ломщик. – Груз пошел на последний виток. Мы следим за ним в реальном времени. Как только начнем игру – сообщим.

Три ломщика появились в канторе Звиада за сутки до операции. Откуда они взялись, Зузинидзе не знал, догадывался, что из другого Анклава, и только выяснять подробности в таких случаях не было принято. Необходимое ломщикам оборудование прибыло на день раньше, квартиру Звиад подготовил, оставалось надеяться, что ребята сумеют сделать то, что обещали. То, что до них не делал никто.

– Ты еще не можешь уточнить, куда придет груз?

– Я постараюсь сделать так, чтобы тебе не пришлось да-

леко ехать, — холодно ответил ломщик. — Скорее всего, посылка упадет в радиусе десяти километров.

— Сойдет... — проворчал Зузинидзе и в который раз уточнил: — Слушай, а безы не проследят наши переговоры? Мне не хочется общаться с СБА.

— Мне тоже, — в тон ему ответил ломщик. — Не волнуйся, Звиад, все будет ОК.

* * *

Анклав: Москва

Транспортный узел «Шереметьево»

Все сосредоточены и знают, чего хотят

Если не считать шоссеиных дорог, Шарик был единственными воротами Анклава. Вокруг Москвы были еще «Домодедово» и «Внуково», но они остались в федеральной собственности и лишь изредка использовались Анклавом в качестве резервных площадок. Основной же поток пассажиров и грузов шел через Шарик, через громадный комплекс, способный принимать и самолеты, и дирижабли, включавший в себя терминал скоростных экспрессов и соединенный с Москвой двухуровневым шоссе и линией метро. Ангарты и залы ожидания, технические зоны и пограничный контроль, эскалаторы, табло, автобусы, такси... заблудиться в хаосе повседневной жизни Шарика было очень легко. Но только не

для Слоновски. Во-первых, Грег прекрасно ориентировался в хитросплетениях транспортного узла, а во-вторых, на этот раз он в сопровождении пяти безов из Отдела прямых переговоров пролетел на вертолете прямо на взлетное поле.

– Они уже здесь? – поинтересовался Слоновски у машиниста, контролирующего ход операции.

– Их вертолет за дирижаблем, ты увидишь его через четыре секунды.

– Отлично.

– Семь человек, – продолжил оператор. – Вооружение стандартное. Трое остались в вертолете, остальные уже на поле.

– Вижу, – буркнул Грег, разглядев фигурки на поле.

Встречающие Петру Кронцл телохранители прилетели на «Ка2050», и именно на такой машине, даже того же черного цвета, сейчас приближался Слоновски. Все было рассчитано до мелочей. Когда шаттл Петры зайдет на посадку, ожидающие ее безы будут ликвидированы, тела погрузят в вертолет и отправят в «Пирамидом». Машинисты Мертвого подчистят базу данных, указав, что первая группа встретила прилетевшего из Эль-Парижа офицера СБА и покинула территорию Шарика. Петру и сопровождающего ее спейс-инструктора встретит Слоновски, заберет к себе в машину, и в этот момент машинисты симитируют атаку ломщиков. На какое-то время сеть транспортного узла ляжет, и Грег спокойно уйдет. Следов не останется. Мишенька Щеглов, лучший дозна-

ватель московской СБА, примется за расследование, но что он напишет в отчете, Слоновски не волновало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.